

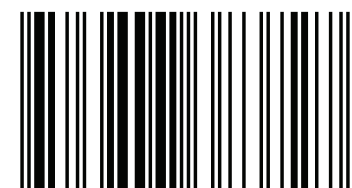
Катастрофа Белорусского еврейства

Во время немецкой оккупации (1941-1944) в Минском гетто было уничтожено около 100 тысяч евреев, в том числе детей, женщин и стариков. Рассказы трех, из немногих спасшихся, легли в основу этой книги. Они были свидетелями и участниками подполья в гетто и за его пределами. Вы узнаете об участии евреев в партизанском движении, о героизме и предательстве, об отношении к евреям белорусского населения. Все это было стерто из историографии коммунистическим руководством, как впрочем, все упоминания о присутствии евреев в Белоруссии. Из-за этого предательства сотни тысяч евреев ушли в небытие. Их памяти посвящается эта книга.

Михаил Левин

Минск - 1945-1990 Здесь в центре голубого мироздания, В начале всех моих координат Родных людей и мест родных названий, Как музыка органная звучат. И липа мне дороже кипариса, И бульба слаще самых спелых дынь. Здесь каждый день на сердце мне нанизан Непреходящей памятью святынь.

978-3-8473-8372-7

Катастрофа Белорусского Еврейства

Михаил Левин

YAM publishing

Михаил Левин

Катастрофа Белорусского еврейства

Память о Холокосте да предохранит мир от всеобщей катастрофы!

Михаил Левин

Катастрофа Белорусского еврейства

Михаил Левин

**Катастрофа Белорусского
еврейства**

**Память о Холокосте да предохранит мир
от всеобщей катастрофы!**

YAM Young Authors' Masterpieces Publishing

Impressum / Выходные данные

Bibliografische Information der Deutschen Nationalbibliothek: Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über <http://dnb.d-nb.de> abrufbar.

Alle in diesem Buch genannten Marken und Produktnamen unterliegen warenzeichen-, marken- oder patentrechtlichem Schutz bzw. sind Warenzeichen oder eingetragene Warenzeichen der jeweiligen Inhaber. Die Wiedergabe von Marken, Produktnamen, Gebrauchsnamen, Handelsnamen, Warenbezeichnungen u.s.w. in diesem Werk berechtigt auch ohne besondere Kennzeichnung nicht zu der Annahme, dass solche Namen im Sinne der Warenzeichen- und Markenschutzgesetzgebung als frei zu betrachten wären und daher von jedermann benutzt werden dürften.

Библиографическая информация, изданная Немецкой Национальной Библиотекой. Немецкая Национальная Библиотека включает данную публикацию в Немецкий Книжный Каталог; с подробными библиографическими данными можно ознакомиться в Интернете по адресу <http://dnb.d-nb.de>.

Любые названия марок и брендов, упомянутые в этой книге, принадлежат торговой марке, бренду или запатентованы и являются брендами соответствующих правообладателей. Использование названий брендов, названий товаров, торговых марок, описаний товаров, общих имён, и т.д. даже без точного упоминания в этой работе не является основанием того, что данные названия можно считать незарегистрированными под каким-либо брендом и не защищены законом о брендах и их можно использовать всем без ограничений.

Coverbild / Изображение на обложке предоставлено: www.ingimage.com

Verlag / Издатель:

YAM Young Authors' Masterpieces Publishing

ist ein Imprint der / является торговой маркой

AV Akademikerverlag GmbH & Co. KG

Heinrich-Böcking-Str. 6-8, 66121 Saarbrücken, Deutschland / Германия

Email / электронная почта: info@yam-publishing.ru

Herstellung: siehe letzte Seite /

Напечатано: см. последнюю страницу

ISBN: 978-3-8473-8372-7

Copyright / АВТОРСКОЕ ПРАВО © 2012 AV Akademikerverlag GmbH & Co. KG

Alle Rechte vorbehalten. / Все права защищены. Saarbrücken 2012

Содержание	 1
Никогда не забыть	 2
Глава 1. Без права на жизнь	 5
Мой друг Арон	 12
Кто не теряет надежду, того хранит судьба	17
Завоевать жизнь	 25
Пути евреев неисповедимы	 30
Неудавшаяся попытка	 34
Свобода и месть	 40
Кто мы?	57
Глава 2. Первый партизан из гетто	 65
Первый контакт с партизанами	 68
Гетто – донор партизан	 71
Всегда начеку	 79
Мой друг Йоселе	 83
В поисках истины	88
Часть 3. На пределе возможного	93
В партизанском отряде	107
Часть 4. Памяти товарища	113

Никогда не забыть!

В 1986 году совершенно случайно мне на глаза попалась книжка Смоляра «Мстители гетто», выпущенная в 1947 году московским издательством «Дер Эмес». Я только в общих чертах знал о разных гетто. Но тогда, во время чтения, меня поразила мысль, что в борьбе за выживание жители Минского гетто были одиноки. Они выпускали газету «Звезда», отправляли в партизанские отряды теплую одежду, медикаменты, оружие и создали семь партизанских отрядов. Спустя более полу века не нам судить много или мало сумели внести в общую копилку борьбы лишённые всех человеческих прав евреи города Минска. Сравнение с кем бы то ни было вообще не этично. С самого начала оккупации местное население было разделено на две части, положение которых различалось коренным образом. Трудно было всем. Однако евреев убивали только потому, что они евреи, и все они были обречены на уничтожение. У них не было прав на будущее. Все они получили смертный приговор с отсрочкой исполнения. Это даже нельзя сравнить с диагнозом рака. Потому что в последнем случае больной получает внимание и заботу близких людей. Он знает, что должен уйти, но любовь и осознание благополучного будущего дорогих ему людей согревает душу обреченного. Евреев ожидало небытие. И большинство из них ушли в него. А оно оказалось более тяжелым, чем можно было предполагать. После освобождения Минска власть вымарала из общественного сознания память о них. В книгах, посвященных городу герою Минску и борьбе минского подполья, в лучшем случае, можно было встретить фразу, что в начале немецкой оккупации в Минске было создано еврейское гетто.

Читая книгу Смоляра, я ощутил себя частью тех, кто был заточен в гетто. Чувство унижения за народ мой и безысходность из-за воздвигнутой стены умолчания вызывали в моей груди физическую боль. Книга заканчивалась перефразированной фразой из танаха: «Если забудем павших, пусть память о нас изгладится навек!»

Со мной поступили нечестно. Я, коренной минчанин, фактически ничего не знал о Минском гетто. Чья-то жестокая воля стирала из истории и из памяти людей любое свидетельство о присутствии евреев в Белоруссии. Я не давал никому никаких клятв, и не было у меня никаких обязательств. Просто у меня возникла необходимость исправить эту несправедливость к ставшим близким мне людям, среди которых было много моих незнакомых родственников. Живых свидетелей осталось немного, да и те уходили - кто в мир иной, а кто в эмиграцию. Нужно было спешить.

Я начал собирать картотеку людей переживших катастрофу и искал единомышленников. В начале 1987 года я предложил Аркадию Рудерману, к тому времени довольно известному кинодокументалисту, попробовать сделать фильм о Минском гетто. Мы начали собирать материалы, посещая людей, переживших катастрофу. В конечном счете, Аркадий был вынужден отказаться от этой идеи, так как киностудия Белорусьфильм ни под каким видом не пропускала еврейскую тему. В 1993 году Аркадий Рудерман погиб во время съемок войны в Таджикистане. Собранные нами материалы легли в основу настоящего повествования.

Глава 1. Без права на жизнь.

Пасмурным и слякотным февральским утром, согласно предварительной договоренности, мы с Аркадием постучались в квартиру заведующего онкологическим отделением 1-ой городской клинической больницы Минска Матвея Лазаревича Майзеля. В прихожей нас встречал хозяин с женой. Он был чуть старше 60 лет, коренастый, подтянутый, в коричневой домашней курточке с завязанным поясом на маленьком брюшке. Высокий лоб удлинляли большие залысины. На нас с нескрываемым любопытством глядели большие умные карие глаза. Для того времени повод для знакомства был необычным. В суетливом поведении его жены сквозила подозрительность. А между тем, мы не были уж совсем непрошеными гостями. Нам составила протекцию их подруга Елизавета Даниловна Волкович. Поэтому мы рассчитывали на откровенный разговор. С доктором Майзелем я встречался раньше на больничных собраниях и пятиминутках. Но вряд ли он запомнил молодого врача, которому при встрече лоб в лоб вынужденно кивком головы отвечал на приветствие. Мы уселись в одной из комнат вокруг стола, а хозяйка устроилась на диване, подобрав под себя ноги. Матвей Лазаревич стал вспоминать.

Когда началась война, мне было 18 лет. После выступления по радио Молотова я побежал в школу. Мы наклеивали на окна бумажные ленты крест-накрест.

- Что стоишь, бездельник, бери бумагу и помогай! - С наступлением войны в нашем директоре проснулось его офицерское прошлое. Он сразу как-то приосанился, голос стал тверже, выражения лаконичнее. После того, как утром объявили о нападении Германии на Советский Союз, вчерашние

школьники под его руководством превратились в солдат. Дисциплина была идеальной. Все понимали торжественность момента, и каждый старался оказаться полезным. В душе моей царили противоречивые чувства.

Война для меня ассоциировалась с победоносными походами и великими сражениями. Не было сомнения, что не пройдет и двух дней, как Красная Армия разгромит фашистов. Радость и воодушевление переполняли меня. Это чувство эйфории царило и среди моих одноклассников. Каждый из нас понимал, что в нашей жизни наступает принципиально новый период.

В 12 часов немцы начали бомбить Минск. Почти до вечера мы просидели в бомбоубежище. В спорах друг с другом быстро шло время. Чувствовалось всеобщее возбуждение. Все были уверены в скорой победе. Вечером, выйдя из бомбоубежища, я увидел, как подбирают трупы. Я стоял остолбеневший, наблюдая за санитарями, которые грузили на телегу одно за другим безжизненные тела. Вдруг меня передернуло, и мурашки пробежали по коже. Первый урожай войны. В моей душе произошел переворот. Я ощутил, что я уже далеко не прежний, и назад возврата уж нет. Происходящие события казались нереальными. Как я хотел, чтобы это был сон. Но это была ужасная явь.

Когда я пришёл домой, отца ещё не было. Некоторые соседи с маленькими котомками целыми семьями уходили из города. Папа пришёл уставший. Он оказывал в больнице помощь раненым. Когда я сказал ему, что Скляры ушли из Минска, он грустно улыбнулся и сказал – «Только без паники. Дай срок. Еще несколько дней и немцев разобьют». Минск горел, люди прятались от бомб. Я каждый день уходил в школу, а отец занимался эвакуацией раненых.

На 4-й день войны, в здание школы попала бомба. Я в это время находился во дворе школы. Взрывная волна отбросила и придавила меня к школьному забору. Я поднялся после взрыва очумелый. Около забора стояла уборщица, а из ее голени через несколько отверстий в матерчатом чулке струйками пульсировала кровь. Весь двор был окутан очень красивым голубым дымом, который медленно поднимался, отрываясь от земли. Постепенно прояснялись очертания школьного двора. В десяти метрах от меня, как на фотографии, проявилось лежащее тело нашей химички. Я подбежал к ней и поднял голову. Мои пальцы окунулись в мягкую теплую ткань обнаженного мозга. Она была мертва. В глубине двора лежало несколько тел. Один мальчик раскачивался, стоя на коленях, и прижимал окровавленные руки к животу. А рядом с ним лежала девочка. Вместо колена у нее торчал бескровный блестящий хрящ. Из деревянного туалета выскочило несколько ребят с широкими от ужаса глазами. Вокруг рвались бомбы. Стонали раненные. Я не знал, что делать. Мой долг повелевал мне помочь раненым. В это время мимо меня с остервенелыми лицами убегали из школы, оставшиеся в живых школьники и учителя. «Что я могу один?» – подумал я и помчался домой, не чувствуя боли от ушибов. Вот тогда всеми фибрами души я почувствовал, что война пришла ко мне.

Минск охватила паника – это атмосфера всеобщего страха, которая резко изменяла поведение людей, и как зараза перебрасывалась через зрительный ряд, умножая пораженных в геометрической прогрессии. «Немцы под Минском – сказал отец – мама с Фирой уже ушли, собирайся быстрее». Я взял свой комсомольский билет, а в заплечный мешок хлеб, сахар, несколько головок лука и сменное бельё. Мы с отцом в толпе людей ушли из города по московскому шоссе. Около Острашицкого Городка

наша колонна натолкнулась на немцев. Я смотрел на солдат в серо-голубой форме с любопытством, не зная, что можно от них ожидать. С одной стороны немцы - интеллигентный народ. Соседка тётя Рая рассказывала, что в 1916 году, когда немцы стояли в их местечке, они вели себя уж не хуже, чем русские солдаты. Однажды, когда немцы пришли конфисковать их лошадь, её отец вступил с немецкими солдатами в настоящую битву. Дело могло кончиться плохо. Немцы связали старику руки и поставили к стенке. Тетя Рая бросилась на колени и со слезами вымолила у солдат и жизнь отца, и лошадь. И сейчас она осталась в Минске, отправив на восток двух своих дочерей. Она только боялась, что солдаты могут изнасиловать девушек. С другой стороны, земля наполнилась слухами, что нынешние немцы плохо относятся к евреям.

Немцы направили толпы людей обратно в Минск. В то время они всех называли русскими, и ни в чём не ощущалось разное отношение немцев к людям разных национальностей.

Толпы беженцев возвращались в раненый город и медленно рассасывались на улицах и переулках. Пахло строительной пылью и гарью угасших пожарищ. Город был раздавлен и тих. Только где-то в центре его урчали немецкие танки. Мы понуро дотащились до улицы Куйбышева и не узнали её, обычно утопающую в тёплой зелени деревьев. Наш дом был полностью разрушен прямым попаданием авиабомбы. Мы уселись на камни и молча, впились невидящим взглядом в землю перед собой. Вдруг я услышал рыдания и увидел бегущую к нам маму. «Мотик, Мотик, родной - рыдала мама, бросившись мне на шею – слава Богу, ты жив. Мама Лены Смилянкой сказала, что ты убит в школе во время бомбёжки. Я возвратилась в Минск, чтобы похоронить тебя». Так моя

мама и сестра ради меня покинули толпу беженцев, которой было суждено уйти по Могилевскому шоссе в эвакуацию.

До самой темноты мы исследовали родное пепелище, но так и не нашли ничего пригодного для дальнейшего использования. Видимо, кто-то здесь уже побывал. На следующий день мы перебрались в пустующую квартиру, где раньше жили наши знакомые, и о судьбе которых нам ничего не было известно. Пошла вереница дней в поисках хлеба насущного. Шел процесс адаптации к оккупационному режиму под прессом слухов и рассказов очевидцев об ужасных случаях насилия и убийств. Все искали пути для спасения жизни, но каждый день приближал нас к краю пропасти.

Как-то вечером к нам пришла папина двоюродная сестра тетя Бася - возбуждённая, худая, с тёмными мешками под глазами. «Мишу сегодня убили в Дроздах» – тихо сказала она, а глаза ее бегали не находя успокоения. Миша, её муж, работал преподавателем политехнического института. Они души не чаяли в единственном сыне Бореньке, который в свои 15 лет с отличием окончил школу и собирался поступать в Московский университет. Три дня назад их обоих, Мишу и Борю, забрали в городе во время облавы. Все эти дни Бася искала их, мужественно пряча слёзы. Накануне вечером соседка сказала, что видела обоих за колючей проволокой в Дроздах, и что нужно торопиться, так как мужчины там находятся в ужасных условиях, и солдаты с вышек периодически стреляют в людей. «Пока я выбралась из города и примчалась туда, - рассказывала Бася, – Мишу уже убили. Сначала приказали, чтобы люди с высшим образованием отошли в сторону. А затем часть из них, в основном евреев, отвезли в лес и расстреляли. Я забрала Борю, но с ним что-то случилось. Он не разговаривает, не ест и, как будто не понимает, что я ему говорю. Лазарь, подойди, пожалуйста, к нам. Может быть, что-то можно сделать?»

«Он ориентируется в ситуации, помнит, что с ним произошло?» – спросил отец. «Нет». У неё уже не было сил плакать. Отец надел кепку, и они ушли. А я бросился на кровать лицом в подушку и начал спорить сам с собой. «Что сделали немецкие евреи немцам, что они мстят всем евреям без разбора? Как можно убить человека, разрушить целый мир, не дать ему возможности жениться, любить, заботиться о детях и родителях? Что есть во мне такого, за что меня следовало бы уничтожить?» - спрашивал я себя и не находил ответа.

В середине июля на улицах города был расклеен приказ полевого коменданта об организации в Минске еврейского района – гетто. Всё оставшееся в Минске еврейское население должно было в течение 5 дней, с 20 по 25 июля, перебраться в северный район, застроенный в основном одноэтажными постройками. Организацией переселения занимался созданный немцами юденрат, в который были назначены в основном евреи из Западной Белоруссии и Польши. Они немного знали немецкий язык и умели щёлкать каблуками. В это же время юденрат собирал средства для постройки вокруг гетто каменного забора. Эта так называемая контрибуция налагалась на каждого жителя гетто и должна была погашаться либо деньгами, либо ценными вещами, в основном драгоценными металлами. Граница гетто проходила с юга по улице Немиге, а с запада около еврейского кладбища. Немцы с самого начала обнесли гетто проволочным ограждением и в дальнейшем даже не делали попыток построить каменный забор. На всех наклеенных на заборах распоряжениях за невыполнение приказов обещалось строгое наказание. За некоторые проступки, такие, например, как выход без разрешения за пределы гетто строгое наказание - это расстрел. От 80 до 100 тысяч евреев вышли из своих убежищ. Главы семейств стали

собираться около юденрата, чтобы получить направление на жилплощадь и сдать свою долю контрибуции.

Обычно на семью приходилась одна комната. По договоренности с дальними родственниками, которые жили в границах гетто, мы переселились в одну из их комнат. И в городе, и в нашей жизни появился какой-то порядок. Страх сменился постоянным чувством голода. Я часами простаивал у проволочного забора, у которого проходила бойкая торговля. Когда полицейский караул скрывался за углом, к забору подбегали с одной стороны евреи, а с другой крестьяне. В соответствии с предварительной договоренностью они обменивались завязанными мешками. С одной стороны в дырку под проволокой летели отрезки, одежда, часы или драгоценности, а в противоположном направлении – продукты питания.

Наш хозяин Гриша в то время работал в типографии. Он там питался и приносил пищу для своей семьи. В нашей семье ещё никто не работал, и обменивать нам было нечего, так как всё наше имущество было погребено под обломками нашего дома. Иногда отца приглашали консультировать в инфекционную больницу, за что давали кое-какие продукты. Наши родственники хотели нам помочь. Изредка нам кое-что перепадало с их скудного стола. Как-то дядя Гриша позвал меня в свою комнату и предложил мне поменять его костюм на продукты с таким условием, что третью часть я могу оставить для нашей семьи. Большую часть ночи перед походом к забору я не мог уснуть. Я планировал, как буду торговаться, да так чтобы успеть оформить сделку до возвращения полицейских. Вероятно, крестьяне договаривались с полицейскими или платили им, чтобы те смотрели на торговлю сквозь пальцы. Тем не менее, эти сделки были рискованными. Я был свидетелем, когда полицейский,

испуганный внезапным появлением командира, убил еврея, торговавшего у забора. Под утро мне снились ужасные кошмары.

Мой друг Арон

Матвей Лазаревич сделал небольшую паузу. Он смотрел невидящим взглядом сквозь нас, вновь переживая то проклятое время. Затем, мотнув головой, как бы отмахиваясь от кошмара, продолжал ...

Утром, получив наставления мамы, я отправился торговать. Сначала я повесил костюм на руку и прошелся вдоль забора. К этому времени уже все крестьяне были заняты переговорами, и никто не обратил на меня внимания. Чувствуя неестественность своего положения, я остался стоять в скованной позе. Ко мне подошёл парень моего возраста с отечным носом и распухшей верхней губой.

- Если ты будешь так далеко стоять от забора, ты ничего не продашь, - сказал он. Верхняя губа его почти не шевелилась, но за ней в верхнем ряду зубов явственно просматривалась большая дыра, отчего голос его несколько подсвистывал. В руках у него ничего не было, и я решил, что он уже все продал. Мне он показался бывалым парнем, и его подсказка мне бы пригодилась.

- Как торговля? - спросил я.

- У меня ничего нет, - и он с улыбкой стал перечислять все, чего у него нет: ни шмоток, ни драгоценностей, ни счастья. Я хочу перейти в русскую зону, - продолжал он, - на краю города можно накопать картошки. А тебя то как зовут?

- Мотя. А тебя?

- Арон

- Ты из какой школы? - Я всматривался в его избитое лицо, но не мог вспомнить, чтобы мы с ним раньше встречались.

- Не узнаешь? – улыбнулся он, - Я из Могилёва. В Минск я приехал перед войной.

- А где ты живёшь? – допытывался я.

- Да тут недалеко, на чердаке. Я уже несколько раз пролезал под забором, продолжал он, – но в одиночку опасно. Если полицейай увидит – крышка. Лучше всего вдвоём. Пока один пролезает под проволокой, другой должен стоять на атазе.

К этому времени мы с ним подошли к самому забору. Из-за страха я не слышал, о чем он говорил еще. И хотя рядом несколько евреев тихо переговаривались с людьми с другой стороны, мне казалось, что все взоры обращены на меня. Я весь сжался. Вдруг справа от себя, по ту сторону забора я увидел бородатого коренастого мужика, который взмахом руки предлагал мне подойти к нему поближе.

- Пакаж пиджак. Га, ды ён паношаны. Яки размер?

- Пятидесятый.

- Пакаж бруки с заду – попросил он. - На жопе блящыць. Я могу дать мех бульбы, але не поуны.

Я боялся, что он раздумает или в любую минуту может появиться полицейский. Поэтому я быстро согласился, мотнув головой, всунул костюм в маленький мешок, который мне предусмотрительно дала тётя Поля, и бросил мешок через прорытый под колючей проволокой лаз. Мужик развязал мой мешок, вытащил шмотки и внимательно осмотрел их, развернув перед собой на вытянутых руках.

А что, если ему не понравится? А вдруг он уйдёт, не заплатив? – пронеслось в моём мозгу. Но нет, он удовлетворённо крякнул, бросил в

яму мешок и исчез за спинами других крестьян. Мы с Ароном подскочили к мешку, схватили его за ушки и быстро оттащили метров 20 от забора. Мешок был заполнен на три четверти, но оказался заметно тяжелее, чем можно было ожидать. Арону это тоже показалось подозрительным. Когда мы развязали мешок, то обнаружили среди картошки большое количество камней.

- Ах, ты, сволочь. – Возмущенно воскликнул Арон, и мы оба повернули головы к забору. А мужика и след простыл. Но даже если бы он и стоял напротив, разве это что-нибудь изменило? Мы находились в клетке. Было очень обидно. Мы сели на бревна и каждый задумался о своем.

Слева от этого рынка играли дети 5-7 лет. Они по очереди выскакивали через яму в русскую зону, бежали вдоль забора метров 10 и через другой подкоп снова возвращались на территорию гетто. Когда маленький сопляк выпрыгивал из ямы, то и он сам, и до того молчаливые наблюдатели-дружки подпрыгивали и визжали от восторга. Страх свалился с моих плеч. Мы с Ароном договорились сделать на следующий день рейд в русскую зону за продуктами.

Жизнь в минском гетто была голодной и полной опасностей. Наше будущее угадывалось без труда. Пришедшие в гетто евреи из дальних местечек описывали ужасные картины полного уничтожения еврейских общин. Рассказы о расстрелах во рвах и на огородах, убийствах детей и младенцев с применением изощрённых методов и издевательств, приводили нас в ужас. Евреи местечек искали спасения у соседей, но чаще всего им указывали на дверь. Местное население было предупреждено, что укрывательство евреев карается смертью. Было немало и таких типов, которые с откровенной радостью помогали немцам. У жителей гетто была отсрочка, и это вселяло хоть какую-то надежду.

Оптимисты распространяли слухи о начавшемся наступлении Красной Армии, о планах генерального штаба по спасению Минского гетто, о подвигах партизан, которые вот- вот придут на помощь. Пессимисты тратили последние деньги на цианистый калий. А жулики подсовывали им сахарную пудру. Этот товар пользовался большим спросом. А торговцам все сходило с рук, так как никто не решался опробовать качество купленного товара.

Трудно было себе представить более тяжкую долю, чем мою. Но у Арона положение было вообще аховое. Он успешно окончил 9-й класс, и родители отправили его в Минск погостить у дяди, который работал стоматологом. В Минске Арон успел сходить один раз в оперный театр. И всё - началась война. Он продолжал жить у дяди, который категорически отказывался переезжать в гетто. Дядя несколько раз оказывал экстренную помощь немецким офицерам и рассчитывал на их протекцию. В один из сентябрьских дней, когда Арона не было дома, приехал грузовик с группой солдат и всю семью дяди увезли в неизвестном направлении. С тех пор Арон никого из них не видел ни в городе, ни в гетто. В квартире дяди поселился рыжий дворник со своей семьёй. Арон всегда избегал даже случайной встречи с ним как до войны из-за тошнотворной слащавости дворника, так и, тем более, во время оккупации. Соседи подтвердили его подозрение, что это дворник донёс немцам, что семья дяди не переселилась в гетто. Арон продолжал тайно проживать в этом же доме на чердаке. Главное было не попасться на глаза рыжей сволочи. От голода его спасло знакомство с дядей Мишей, который занимался мелкой починкой и чисткой обуви. Его будка находилась почти в самом центре парка на площади Свободы. Глядя на виртуозную работу дяди Миши, Арон осваивал азы этой профессии, и иногда заменял хозяина. У дяди Миши

были иссиня чёрные глаза и красивая чёрная борода. Это был весёлый добряк. Когда у них не было работы, дядя давал точные и смешные характеристики прохожим. Время проходило быстро, и им часто было весело, несмотря на царившую в городе атмосферу страха. По настроению дяди Миши не чувствовалось, что у него есть какие либо неприятности. Дядя Миша говорил, что он армянин. К Арону тоже пока никто в штаны не лез. Однажды Арон, придя на работу, так и не дождался хозяина. Тот не пришёл ни на второй, ни на третий день. В конце третьего дня, когда стало очевидно, что с чистильщиком обуви случилось что-то очень серьёзное, Арон взломал замок, и стал работать самостоятельно. Работа сносно кормила его, но в целом городе у него не было ни одного близкого человека. Не с кем было посоветоваться. Основными клиентами были немецкие солдаты и офицеры. Для них существовали только его руки и ящичек, куда они бросали монеты.

Однажды в слякотный сентябрьский день перед Аронем возникла фигура молодого офицера. Он, молча, поставил ногу, обутую в дорогой кожаный сапог. Арон из-под лба метнул косой взгляд. Перед ним стоял белокурый красавец с правильными чертами лица. Офицерская форма безукоризненно сидела на нём. Арон старался показать всё, на что он способен, чтобы угодить офицеру, как вдруг услышал:

- Гер, офицер, это жид. Он поднял глаза и увидел около офицера рыжего дворника, показывающего на него пальцем. Внезапно его потряс сильный удар в лицо. Это дворник изо всех сил вонзил носок своего ботинка в его полуоткрытый рот. Арон не сразу понял, что произошло. Боли он не чувствовал. Он пришёл в себя спустя несколько секунд. Во рту болтались выбитые зубы. Прямо на офицерский сапог стекала кровавая слюна. Арон зажал губы и, опустив голову, начал остервенело чистить сапог

фланелевой тряпкой. Вдруг сапог ушел из его поля зрения. Подняв глаза, он увидел, как офицер снял перчатки и внезапно нанёс сокрушительный удар в челюсть дворника Васи. Белокурый ариец стоял на фоне огромных почти полностью оголенных деревьев. Земля перед ним была устлана красно-желтой опавшей листвой. Лейтенант аккуратно натянул перчатки и ждал. Дворник поднялся и также безмолвно ушёл, как побитый пёс, оглядываясь назад. Только тогда широким шагом покинул площадь и немецкий офицер.

Оставаться в городе было невозможно, и Арон ушёл в гетто, даже не забежав на свой чердак. И в гетто он тоже жил на чердаке. Устроиться на работу не смог. А пропитание добывал во время вылазок в русскую зону. Мы с Ароном подружились и с тех пор мы с ним выходили из гетто за продуктами около 50 раз.

Кто не теряет надежду, того хранит судьба

«Ты помнишь ноябрьские праздники сорок первого? - вдруг обратился Матвей Лазаревич к жене. - Где ты была в тот день?» «На работе. Нас с Любой Кауфман управляющий немец с трудом уговорил переночевать в швейной мастерской в ночь с шестого на седьмого ноября». «Тебе повезло. Я этот праздник не забуду никогда». Матвей Лазаревич поерзал на стуле и продолжал.

Шестого ноября 1941 года в гетто распространился слух, что на 7 ноября немцами назначена акция. Что это означало конкретно, никто не знал, но в воздухе висело ощущение беды. Было очевидно, что те рабочие, которые работали за пределами гетто, находятся в более безопасном положении. Поэтому некоторые рабочие уговорили своё

начальство, чтобы их оставили в ночь на 7 ноября на рабочем месте в русской зоне. Дядя Гриша дал мне свой просроченный документ, удостоверяющий, что я работаю плотником. Эта бумажка была той соломинкой, за которую хватается утопающий, но рассчитывать на неё было глупо, так как срок действия этого документа оканчивался 31 октября.

В этот предпраздничный день дома было холодно. Воняло тушеной капустой. Нервное напряжение нарастало с приближением опасности. Папа давал мне советы, которые мне казались бессмысленными. Я оделся и ушёл гулять, в раздражении хлопнув за собой дверь. Я шёл вдоль забора, обдумывая разные варианты. Я мог перейти в русский район, как это делал много раз. Но я не смел подвергать смертельной опасности, ни нашу бывшую соседку Марию Петровну, ни мамину подругу Клавдию Ивановну, которые во время моих вылазок в русскую зону всегда давали мне продукты для нашей семьи. Может и обойдётся – решил я. Было около 4 часов пополудни, но уже начало темнеть. В это время я оказался свидетелем немой сцены, которую никогда не смогу забыть. Молодая женщина подвела к забору маленькую девочку полутора лет и подтолкнула её в лаз под забором. Она что-то сказала дочке, отошла и спряталась за фонарным столбом. Девочка была в лёгком пальтишке, но её головка и тельце были увязаны большим женским шерстяным платком. Сначала девочка присела за забором и рисовала палочкой на впервые выпавшем свежем снегу. Её мать стояла в укрытии и, молча, давилась слезами. Когда девочке стало холодно или, может быть, просто захотелось к маме, она тоже заплакала. Так эти два любящих существа стояли по разные стороны забора из колючей проволоки и плакали каждый о своём. Первый снег имеет особенный запах. Но с тех пор мне кажется,

что так пахнут слёзы. Вдруг со стороны Немиги к девочке подошёл молодой мужчина с правильными красивыми чертами лица. Он был одет в добротное демисезонное пальто, которое ему было несколько мало. На его лоб было натянуто помятое кепи. Его одежда, вероятно, была с чужого плеча. Сначала он оглядел еврейскую сторону улицы, затем присел и что-то спросил у ребёнка, погладил по головке и ушёл. Он снова возвратился через минут пятнадцать в сопровождении женщины. У неё было очень красивое типично русское широкоскулое лицо. Она взяли девочку на руки, и, они не оглядываясь, ушли. Мать перестала плакать. Она надеялась, что таким образом спасла свою дочь. Эта история нашла своё продолжение в партизанском отряде. Но всему свой черёд.

Седьмого ноября, когда все работающие ушли из гетто, выстрелы и крики разорвали тишину. Я выскочил на улицу. Немцы врывались в дома, выгоняли людей на улицу и направляли толпы людей на площадь у ворот. В толпе преобладали старики и дети. Несколько человек шли в обратном направлении. Я подошёл к одному из них и спросил, указывая на толпу:

- Куда их ведут? Мне ответили, что толпу направляют к грузовым машинам, а их отпустили, потому что они работают. Я весь напрягся как струна. В кармане у меня лежал аусвайс моего дяди, в котором утверждалось, что я как будто бы работаю плотником. Когда ко мне подошёл пожилой немецкий солдат, я со страхом и надеждой предъявил ему этот документ. Он взял его в руки, прочитал, отбросив назад голову и прищурился. А затем равнодушно сказал, что аусвайс просрочен, и толкнул меня в сторону толпы. Люди медленно шли к машинам. Я думаю, что все они знали, что это их последний путь.

- Как этого избежать - думал я. Бежать было некуда. Вокруг было много вооруженных немцев. Хоть бы провалиться сквозь землю. Наконец, я

решил подойти к машинам последним. Во-первых, чем больше времени, тем больше шансов найти выход. Во-вторых, если я сяду с краю, то, может быть, окажется возможным спрыгнуть с машины на ходу. Приняв такое решение, я начал замедлять шаг. Пропуская вперед тех, кто шел за мной, я, в конце концов, оказался в самом хвосте толпы. В эти минуты, когда решалась моя судьба, когда время отсчитывало последние часы жизни тех людей, которые уже сидели в кузовах машин, ни слёз, ни страха не было в моём сердце. В уме я просчитывал разные варианты, чтобы использовать любой шанс. Вдруг у самых машин я услышал по-немецки:

- А ты, пойдёшь с ними. – Офицер схватил меня за рукав и оттолкнул в сторону, где стояли два солдата и знакомый мне парень. Его звали Ося. Я знал, что он окончил мою школу и до войны работал часовщиком. Солдаты, вооруженные винтовками повели нас во двор деревянного одноэтажного дома. Один из них, Ганс, нарисовал на земле палкой большой квадрат и сказал, чтобы мы с Осей тут рыли яму. Затем он прикладом винтовки сбил замок с сарая, вынес оттуда лопаты и дал нам по одной. В это время другой солдат, Макс, стоял на посту за забором. На беду нам попалась старая засыпанная мусорная яма. В ней было много тряпок, камней и костей. Копать было очень трудно, и дело продвигалось медленно.

- Как ты думаешь, – спросил Ося, - для чего им нужна эта яма?

- Может быть, закапывать трупы, – предположил я.

Не прошло и полчаса, как ладони мои покрылись кровавыми волдырями. Но стоило мне на минуту остановиться, как в тот же момент с криком «шнель» Ганс вмазал мне ногой под зад. Дальше я вкапывался в землю, не поднимая глаз. Работая равномерно и монотонно, я больше не чувствовал боли. Я хотел понять для чего эта яма и что в связи с этим мне

следует предпринять, чтобы спасти свою жизнь. Ганс периодически кричал «шнель», что заставляло меня ускорять движения лопатой. Но чем быстрее я двигал руками, тем слабее лопата вонзалась в землю, так как силы мои были на исходе. Вдруг я обратил внимание, что покрикивания прекратились. Я поднял голову и увидел перед собой Макса. Они с Гансом поменялись местами. Макс был среднего возраста с пламенно горящими щеками и толстыми губами. Мне показалось, что он улыбнулся.

- Не торопись, – сказал он, – хочешь закурить? - Он вытащил из кармана пачку сигарет и протянул её мне.

- Спасибо, я не курю.

- Почему ты без желтого круга?

- Я не живу в гетто, – начал врать я. – Мой папа русский и мы с ним живем в русском районе. Я пришел в гетто, чтобы навестить маму.

- Зачем же ты к ней пришел, если она еврейка?

- Это же моя мама.

- Я понимаю, – сказал Макс. Но евреи плохие люди. Из-за них началась война. Вот и американцы стали нашими врагами, потому что у Рузвельта мать еврейка.

Пришла очередь Ганса. Он явился с криком «Шнель! Шнель!» И не прекращал извергать на нас свою ненависть до тех пор, пока яма, по его мнению, не была готова. Мы с Осей в сопровождении Ганса и Макса начали ходить по домам и собирать трупы. Эти люди были убиты за то, что пытались спрятаться. Нам приходилось вытаскивать трупы из шкафов и чердаков. У одного трупа головы не было вообще. Видимо, её снесло разрывной пулей. Над плечами торчал оголённый позвоночник. Мы заспорили с Осей, кому нести труп со стороны головы. Никто не хотел запачкаться кровью. Когда Макс понял предмет нашего спора, он показал

на меня, чтобы я держал труп за ноги. На улице мы потащили труп по первому снегу. За нами тянулся розовый шлейф. Когда мы подтянули труп к яме, Макс предложил мне снять с него сапоги, но я отказался.

- Можно я сниму у него ремень? – спросил Ося у Макса. Немец махнул рукой в знак согласия.

- Ося, зачем тебе этот ремень, – взмолился я, – Не будь дураком. Ты хочешь попасть в эту яму с новым ремнём? - Но Ося поступил по-своему. Когда яма заполнилась, я спросил у Макса:

- Будем закапывать или ...

- Подождем офицера – сказал Макс.

- И нас туда же? – спросил я, указывая на яму.

- Не знаю... думаю, что нет... как решит офицер – неохотно ответил Макс.

Вероятно, для него самого была неприятна мысль о возможности укрыть эту могилу нашими трупами.

Офицер явился подтянутый и бодрый. Он отозвал солдат в сторону, и что-то говорил им, вероятно, давал указания. Затем он обратился к нам:

- Слушайте, оба. Когда я дам команду, бегите через огород. – И отошел в сторону.

Солдаты взяли за винтовки. Макс, который стоял рядом со мной, произнес тихо. – «Беги вправо». По команде офицера мы с Осей бросились бежать. Я летел, что было силы. Послышались два выстрела. Краем уха я услышал крик Оси и завиял, как заяц. Я выскочил из огорода на улицу, когда вслед за мной раздался еще один залп. Я вскочил в какую-то подворотню, взлетел на второй этаж в распахнутую дверь опустошенной квартиры и присел под подоконником. Мое дыхание казалось мне очень шумным, и я как мог, старался его придушить, так как

боялся, что его могут услышать на улице. Мимо дома с гиканьем проскочили немцы, которые гнались за мной. Осю я считал уже убитым.

Прошло не менее получаса, пока я пришел в себя. Вокруг была мертвая тишина, начало смеркаться. Я думал, что машины с обреченными уже уехали, и решил выйти из своего убежища. Идя по тротуару, я повторно переживал все события минувшего дня. Вдруг я увидел, что навстречу мне шел немецкий патруль. Бежать уже было поздно. Пришлось снова подsunуть немцам просроченный дядин аусвайс, но они, проверив его, повели меня к действительно последней и уже полностью загруженной машине. Рядом с машиной стояли немцы. Они были очень довольны своей работой. К этому времени я понимал немецкий язык почти дословно. Они с хохотом рассказывали друг другу, как обнаруживали и убивали прятавшихся евреев. В их словах не было ни сострадания, ни ненависти. Так охотники рассказывают друг другу о повадках зверей. Среди них я увидел Макса и встретился с ним взглядом. Вдруг Макс обратился к офицеру:

- Господин офицер, посмотрите, на него, это тот парень, который от нас убежал. Отпустите его.
- Ефрейтор, - ответил офицер, – вы забываете, что он обыкновенный еврей. Это из-за них мы околачиваемся в этой проклятой стране. Мы должны мстить им за то, что они начали войну.
- Одним евреем больше или меньше ничего не изменится. Тем более, что он от нас никуда не денется.
- Это верно, пусть бежит, – и офицер махнул рукой, как будто дал отмашку для старта.

У меня появился шанс, но очень маленький. Я думал, что немцы начнут соревноваться в меткости, и побежал по улице, перебегая с правого

тротуара на левый, и снова на правый. Я ударился головой о забор и чуть не упал. Но меня догонял только дружный хохот. Домой я пришел изможденный и сразу уснул. Да, тот праздник 7-го ноября я не забуду никогда.

Три года назад в госпитале инвалидов Отечественной Войны я встретил человека, который показался мне очень знакомым. Мы обсуждали с ним пути возможного пересечения наших судеб. И надо сказать, что их было достаточно много. Так, например, мы до войны жили с ним в одном районе Минска, учились в одной школе, могли встречаться на пляже Комсомольского озера. Когда же он сказал, что работает часовщиком, я сразу же представил тот страшный день седьмого ноября 1941. Да, это был Ося. Когда мы бежали через огороды, он первым же залпом был ранен в шею, и упал. Немцы, увлеченные охотой за мной, проскочили мимо него. Видимо они решили, что Ося мертв. Когда звук погони растворился вдали, Ося заполз в сарай, с которого был сбит замок, и хотел спрятаться за поленницей. Но это место уже было занято. Хозяева этой «малины» (так в гетто назывались хитроумные укрытия) перевязали его и заботились о нем до самого выздоровления.

О судьбе тех 12 тысяч жителей, которых увезли из района улиц Немиги и Островского, мы узнали по длительной автоматной стрельбе 8-го ноября. Подробности этого непостижимого для двадцатого века события нам рассказали два подростка, которые выбрались из-под стонущей и движущейся массы трупов и умирающих людей.

Уже сидя в машинах, люди надеялись, что их просто перевозят в другое место. Их отвезли на улицу Опанского и загнали в огромные склады, в которых до войны хранилось имущество 6-ой колонны НКВД. Люди не помещались, и тогда солдаты дружно утрамбовывали человеческую

массу, закрывающимися воротами. Эту процедуру они проделывали несколько раз. Люди стояли прижатые друг другу настолько плотно, что трудно было дышать. При синхронизации движения какой-либо части этой массы слабые падали и их затаптывали. Дети задохнулись на руках матерей. На улице была морозная ночь, а внутри обреченные страдали от жажды. Большинство из них молили о смерти. На следующий день, когда открыли ворота, и свежий воздух оросил их легкие, снова появилась надежда. Несчастных снова сажали в машины и отвезли в пригород Минска – Тучинку. Там их ставили в ряд на краю заранее вырытых рвов и убивали, убивали, убивали ....

Завоевать жизнь

То, что нам всем уготована смерть, уже никто не сомневался. Однако бегство из гетто только на первый взгляд казалось разумным выходом. Хотя выйти из гетто было опасно, но для людей, которые постоянно находились в атмосфере высокого риска, это не было большой проблемой. Многие группы молодых и сильных людей, пытались выйти за линию фронта или найти партизан. Может быть кому-нибудь и посчастливилось. Но большинство из них возвращалось в гетто обессиленными, порой через месяцы бесплодных скитаний, потеряв в стычках с врагом своих товарищей. Белорусское население либо относилось враждебно, либо было напугано и боялось помогать евреям. В гетто уже никто не верил в помощь со стороны. Оптимистические слухи, которые любое событие на фронте интерпретировали, как доказательство того, что Родина думает о нас и вскоре придет на помощь, стали называть информацией агентства НИВА. Оно было образовано первыми буквами

слов из фразы, обозначающей на идиш: Глупый Еврей Хочет Так. Единственным способом оттянуть момент гибели было устройство на работу. Мой дядя дал золотые часы своему бригадиру и таким образом устроил меня работать в бригаду плотников. Мне пришлось учиться пользоваться рубанком и стамеской. Через месяц, когда бригадир убедился в моей исполнительности и аккуратности, он поставили меня работать на машине, а спустя некоторое время перевел работать из столярной мастерской в помещение Минского медицинского института, где размещалось гестапо и СД. Эта часть комплекса мединститута находилась на месте нынешнего управления минского метро. Я вместе с тремя другими евреями делал затемнение для окон. Оно представляло собой тонкий картон, который сворачивался при подтягивании за веревку. Моя новая работа считалась очень хорошей, так как там хорошо кормили. При гестапо кроме столярных мастерских функционировали электроцех, слесарные мастерские, а также были другие рабочие места, где работали в основном евреи. В большом чане на кухне для рабочих каждый день готовилась пшеничная затирка с кониной. Во время обеда все собирались около кухни, и каждый получал в котелок свою порцию. Мне, как самому маленькому, предоставляли возможность очищать чан после раздачи порций. Я залезал внутрь, соскабливал густую затирку со стенок и дна и собирал в котелок для семьи. Иногда на дне попадалось прилипшее к стенке подгоревшее мясо. Это было большим подарком. Изредка этого счастья было так много, что я звал других рабочих и наполнял их котелки.

После того как 20 ноября немцы вывели и уничтожили в Тучинке всех жителей Кустарной улицы, многие поняли, что периодическое «сокращение» гетто будет продолжаться до полной его ликвидации путем уничтожения еврейского населения. С тех пор я пытался выйти на какую-

нибудь организацию, противостоящую немецким планам. О том, что такая или такие организации существуют, свидетельствовали периодически появляющиеся на улицах листовки и даже подпольная газета «Звезда». Я боялся спрашивать в открытую не только знакомых, но и родственников. Такие поиски могли привести в гестапо, а оттуда обратной дороги не было. В декабре 1941 я завел разговор на эту тему с моим двоюродным братом:

- Остаться здесь, Боря, значит, умереть. - Говорил я. - Лучше воевать, лучше голодать, замерзать, но что-то делать. Я готов на все. Не может быть, чтобы об этом не думали другие. Наверняка, есть люди, которые уже начали действовать. Ведь кто-то печатает листовки? Где они? Как с ними связаться? Боря смотрел на меня внимательно и только качал головой.

- Нужно подумать, - наконец выдал он. Ты уже с кем-нибудь беседовал на эту тему?

- Так как сейчас с тобой – нет. – Я чуть не задохнулся от радости. По взгляду и интонации Бори я понял, что попал в точку. - Так, намеками. Да и не с кем было.

- Я тоже думал об этом, – промямлил он, обдумывая каждое слово. – Давай поговорим об этом завтра. Приходи к нам вечером, около восьми.

Вечером следующего дня я почти бежал на свое первое “свидание”. Был лютый мороз. Неубранный, плотно утрамбованный снег так сильно скрипел под ногами, что создавалось впечатление, будто кто-то идет за мной шаг в шаг. Я со страхом все время оглядывался и инстинктивно сжимался в комок, чтобы быть менее заметным. Все ворота и ставни окон были наглухо закрыты. Устрашающая тишина одноэтажного Минска объяснялась отсутствием давно съеденных собак. Вдруг мою душу пронзила близкая автоматная очередь. Я бросился в сугроб у забора и

затаился. Ни шороха. Видимо стреляли на соседней улице. И вдруг, с другой стороны забора я услышал скрежетание зубов и приглушенный злой голос.

- Отвечай, сука, почему дверь не открывалась. Продать хотел, блядь? В гестапо сдать?

- Я видимо ошибся, Федя, прости, – умолял мужской голос. - Из-за волнения спутал ключи. Этот голос был мне очень знаком. Ну да, это же голос Барана, слесаря, который работал в мастерских гестапо.

- Ах, ты, сволочь вонючая, я же тебя тысячу раз предупреждал, чтобы ты еще и еще раз проверил. Что ты мне лапшу на уши вешаешь. Ты сделал все, чтобы нас зацапали немцы. Ты обо мне кому-нибудь говорил, блядь?

- Федя! Больно! Не души. Да, да, я это сделал специально. – В голосе Барана появились свистящие нотки. - Я не мог поступить иначе. Если бы вы сняли часовых и захватили оружие со склада гестапо, немцы бы убили не только всех евреев, которые работают при гестапо, но и сотни наших близких и дальних родственников.

- Сука, а ты о нас подумал? Если бы я не проверил заранее ключи, которые ты мне всучил, наши трупы висели бы на площади Свободы. Послышался глубокий вздох. – Ладно, я тебя на этот раз прощаю только потому, что нам нужны свои люди в гестапо. Но знай, если ты ляпнешь что-нибудь обо мне, я вырежу всю твою семью, а тебя будем судить в партизанским отряде.

С моего сердца упали тяжелые вериги. Я медленно перевернулся на спину и глядел в звездное небо. Меня охватила горячая волна радости, которая разливалась по моему телу и обогревала мои члены. Я давно не был таким счастливым. Если есть партизаны, значит - есть надежда. Между тем реальная ситуация была далеко не безопасной. Я понимал, что

случайно подслушанный разговор может стоить мне жизни. Затаившись, я ждал продолжения. Только тогда, когда те, кто был за забором, пошутукавшись, ушли в дом, и за ними захлопнулась дверь, я почувствовал боль в окоченевших ногах.

Дом дяди Ефима был похож на деревенский. В холодных сенях справа от двери стояли кадки и бочки для солений, а слева низкая поленница дров. Боря сидел на кухне у керосиновой лампы и пил чай. Видно он давно меня ждал. Я уселся на лавку и, прижавшись к русской печке, стал с восторгом рассказывать о подслушанном разговоре.

- Я тебя хорошо знаю и поэтому доверяю тебе, – начал Борис. Но то, что я тебе скажу сейчас, не должен знать никто, даже твои родители. Впрочем, и то, о чем ты рассказал мне сейчас, тоже никто не должен знать. Даешь слово?

- Да.

- Ну, так вот, ты прав, в гетто действует организация, которая оказывает помощь партизанам и готовит людей к выходу в партизанский отряд. Ты, ведь, хочешь уйти в партизанский отряд?

- Что ты меня спрашиваешь? Конечно. Хоть сейчас. – Я был очень взволнован. Мне стоило больших усилий, чтобы не выдать моего возбуждения.

- Считай, что ты записан в группу. Но право уйти в лес ты должен заработать. Нужно достать оружие. Без него тебя в лес никто не пустит. Кроме этого партизанам нужна теплая одежда, медикаменты, радио, питание к нему. Представь, что ты уже в лесу. Вот и собирай то, что тебе было бы необходимо.

- Хорошо. И куда это нести? К тебе?

- Ни в коем случае. Завтра воскресенье, я познакомлю тебя с людьми, с которыми ты будешь работать в подполье. Приходи к 5 часам вечера к кукольной фабрике. Только не приходи заранее и не маячь без дела. Понял? Тогда до завтра, уже поздно.

С этого момента я почувствовал себя частью другого мира. Мои мышцы наливались силой. Когда утром по дороге на работу я проходил мимо немца у шлагбаума, мне казалось, что я способен задушить его. «Я сделаю это, - подумал я, - придет время». Мой секрет позволял мне смотреть на других евреев с гордостью, даже с некоторой долей надменности.

Пути евреев неисповедимы

Тот день преподнес мне еще один сюрприз. Я со своим товарищем получил задание смазать петли всех дверей, выходящих в коридор первого этажа гестапо. Во время работы около нас в холле остановилась группа гестаповцев. Среди них был один гражданский хорошо одетый молодой человек. В нем я узнал моего одноклассника Бориса Вакслера. Он разговаривал с немецкими офицерами, как равный. Когда наши взгляды встретились, он повернулся в мою сторону так, что немцы оказались у него за спиной, и махнул мне указательным пальцем. Очевидно, что это была просьба молчать. Какую роль играл Борис в гестапо? Я не видел ни одного еврея, который бы вел себя на равных с немцами. Даже председатель юденрата Элиас Мушкин, этот умнейший человек и главный еврей Минска был не более чем холоп.

В нашей школе Боря Вакслер слыл вундеркиндом. Все знали, что он в совершенстве знает немецкий язык. Сопоставив все эти факты, я пришел к выводу, что Боря является советским разведчиком. Значит, о нас помнят и хотят помочь. Мое воображение рисовало густую сеть советских разведчиков и партизан, которые готовят наше освобождение.

С тех пор прошло несколько лет и много событий. Давно окончилась война, и я успел забыть об этой случайной встрече. Но однажды в конце сороковых годов меня вызвали в КГБ. Молодого майора интересовали подробности моей жизни в гетто.

- Вы учились с Борисом Вакслером в одном классе? – спрашивал майор. Что Вы можете сказать о нем?

- Он был очень способным учеником. Прекрасно знал немецкий язык. Все в нашей школе считали его вундеркиндом.

- Встречались ли Вы с ним после школы?

- Нет – ответил я.

- А Вакслер утверждает, что Вы встретились с ним в оккупированном Минске.

Только тогда я вспомнил тот давний эпизод и рассказал о нем следователю КГБ.

- Товарищ Майзель, постарайтесь вспомнить, не писал ли Борис Вакслер стихи в школьные годы?

- Нет, верней, я не помню. Может быть, он писал, как пишут многие юноши только для себя. Но случаев, чтобы он их читал в обществе или писал в стенную газету, я не могу припомнить.

- А у нас этот гражданин, который называет себя Борисом Вакслером, пишет стихи. Сейчас Вы увидите его: - Майор нажал на кнопку. Спустя несколько минут в кабинет ввели Бориса.

В следующий и последний раз я встретил его на улице то ли в 1954, то ли в 1955 году. Передо мной стоял лысый человек болезненного вида. Когда мы начали вспоминать наше детство, его потухшие глаза вдруг вспыхнули юным огнем. Мы рассказывали друг другу о пережитом. То, что он рассказал о себе, было удивительно:

- Когда началась война, мне удалось достать документ на чужую фамилию со спасительной записью «белорус». Я уехал в далекую белорусскую деревню и устроился в школу преподавателем белорусского языка. Освоившись, я организовал маленькую группу для борьбы с оккупантами и предателями. Мы решили ликвидировать полицейского и старосту этой деревни. Однако после того как мы задушили полицейя, в деревню по вызову старосты нагрянул большой отряд полиции. Всех членов нашей группы поймали и приговорили к смерти. Смертный приговор полицейский командир решил привести в исполнение на деревенской площади, куда согнали все население деревни. Сначала он прочитал целую лекцию о необходимости уничтожения жидов и коммунистов. Затем, был зачитан приговор, и началась экзекуция. Когда приговор приводили в исполнение и уже повесили двух моих товарищей, к площади подъехала легковая машина. Из нее вышли гестаповские офицеры, чтобы узнать, что тут происходит. У меня был единственный шанс и я крикнул на немецком языке, что я немец из Поволжья и пробираюсь в Германию в поисках родственников. Я, мол, случайно попался этим людям, которые мне не доверяют. Так как полицейские ничего путного по-немецки сказать не могли, старший по званию гестаповец махнул рукой и с хохотом посадил меня в машину. В местечке, где у них был штаб, немцы меня долго допрашивали и пытали, пока, в конце концов, не поверили в правоту моих слов. Таким образом, я стал

работать переводчиком в минском гестапо. В тот период мы с тобой и встретились. Во время одной из операций немцев против партизан я переметнулся к нашим. Сначала они мне не доверяли. Собирались уже расстрелять. Однако догадались связаться с Москвой и оттуда получили указание переправить меня в центр. На большой Земле я в течение 8 месяцев проходил специальную подготовку на разведкурсах, после чего был направлен в оккупированную Белоруссию с целью захвата и доставки в Москву бывшего премьера Польши Берута. Когда я выполнил это задание, меня направили на работу в тыл Германии. Затем были другие задания. Однажды, после войны, когда я возвращался с очередного задания в Белоруссию, прямо на аэродроме Минска меня встретили двое в штатском. Не Борис ли я Вакслер, спросил один из них. Когда я подтвердил это, они меня разоружили и объявили, что я арестован. Вскоре я был вызван на допрос к главному чекисту Белоруссии Цанаве. Он утверждал, что его не обманешь, что я не Борис Вакслер, а известный немецкий шпион, и что об этом он уже доложил в Москву. Вот тогда то и вызвали тебя в органы для установления моей личности. Однако, несмотря на твои показания, Цанавя продолжал настаивать, что я шпион, а никакой не Вакслер. Тогда я упросил следователя, чтобы мне устроили очную ставку с бывшими сотрудниками моего отца. Он до войны работал главным бухгалтером министерства деревообрабатывающей промышленности. Они все хорошо знали меня, так как я часто приходил к отцу на работу. На очной ставке все вызванные для расследования бывшие сотрудники моего отца признали во мне Бориса Вакслера. Таким образом, версия о шпионаже была отвергнута. Но этот негодяй уже объявил о поимке шпиона, и так как проигрывать не любил, то меня судили за предательство Родине и за работу на немцев. Как любил шутить

Цанова и его сотрудники: покажите мне человека, а за что осудить его мы найдем сами. Я получил 25 лет.

Из лагеря в Коми ССР я отослал в Москву письмо с просьбой пересмотреть мое дело. И, наконец, его пересмотрели. В лагерь приехала «тройка» и прибавила мне те 6 лет, которые я уже отсидел. После смерти Сталина меня реабилитировали.

Три основные факта из рассказа Бориса абсолютно достоверны. Во-первых, он работал у немцев – я это видел; во-вторых, он был схвачен органами – я был этому свидетель - и осужден – о чем свидетельствовал весь его вид; и, в-третьих, он был реабилитирован. За предательство в середине пятидесятых не освобождали. Вот почему история Бориса Вакслера представляется мне правдоподобной. С тех пор я его никогда не встречал.

Неудавшаяся попытка

Зимним вечером 1942 года, в назначенное время, я был около кукольной фабрики. Там меня уже ждал мой двоюродный брат. Через черный ход он повел меня в подвал. Идя темными коридорами, я представлял, что вот-вот увижу большую группу вооруженных людей. Как же я был разочарован, когда в полумраке увидел двух молодых людей и милостивую женщину.

- Это, Мотя, мой двоюродный брат. – Представил меня Борис. - Я за него ручаюсь, как за самого себя. Кстати, он работает в мастерских гестапо.

Борис вскоре ушел, а я познакомился с тремя прекрасными людьми.

- Слушай, Мотя, - обратился ко мне длинный костлявый парень, который представился Володей Кравчинским. – Твоя основная задача – достать

оружие и для себя, и для них. – Он указал пальцем на Сару и Давида Левиных. – Тебе это сделать легче, так как в оружейные мастерские при гестапо постоянно поступает трофейное оружие. Оно не всегда комплектное. Винтовку не вынести. Но нас вполне устроит винтовочный затвор. Ну, и конечно пистолеты. – Понимаешь?

- Да. - Я не задавал вопросов, хотя сознавал, что выполнить это задание будет не просто и опасно. Должно быть, этот парень был главным. И мне хотелось выглядеть при первой встрече толковым и солидным. Володя стал расспрашивать каждого из нас, нет ли у кого-нибудь возможности достать питание для радиоприемника. Это было второе задание для всех.

На работе я иногда разговаривал с ефрейтором, который служил в охране гестапо и часто сопровождал нас, когда мы работали в кабинетах. То ли из-за скуки, то ли из сочувствия к нам он в обращении с нами не ограничивался односложными ответами или приказами, а ввязывался в дискуссии и интересовался деталями жизни в гетто. К нему- то я и решил подкатиться, когда разговор зашел о будущем гетто и неминуемой гибели.

- Самое страшное для меня – это смотреть в дуло автомата на краю могилы. Я этого не выдержу, - сказал я, – лучше, пусть себе пулю в лоб, а не ждать и мучиться.

- Еще лучше выпить яд, – сказал ефрейтор. - Есть такие яды, что человек не чувствует никаких страданий. Выпил и все, как будто уснул.

- Где достать его. Я готов отдать все мои деньги, чтобы купить такой яд. Но, разве узнаешь, чего тебе подсунут. На себе не проверишь. А если попробуешь на собаке или кошке, то для себя не останется. Ты, знаешь какие люди сейчас? За понюшку табака продадут. Я бы купил револьвер или наган.

- Но если поймают с оружием, тебе конец.

- Вот тогда-то я и застрелюсь. Мне нечего терять.

В моих отношениях с ефрейтором наступил такой момент, когда я был уверен, по крайней мере, в том, что мое желание приобрести оружие, чтобы покончить с собой, нашло в нем понимание, и он меня не выдаст. Я понял, что он нуждается в деньгах, а он знал, что мне нужно оружие.

Однажды, когда в очередной раз мы затронули эту тему, я сунул ему завернутую в газету пачку дойчмарок. На следующий день он передал мне пистолет с полной обоймой патронов. Такой же обмен, якобы для моих родственников, мы производили с ним еще несколько раз. У моих родственников и знакомых я добывал для партизан лекарства и медикаменты. Все это я передавал Володе или Саре в подвале кукольной фабрики. Никого больше из подполья гетто я не знал.

В конце февраля 1942 Володя Кравчинский сказал мне, что я включен в группу, которая уходит в партизаны. В назначенный день утром, хорошо одевшись и распределив по карманам хлеб, вареную картошку и головку репчатого лука, я пришел к воротам еврейского кладбища. На засыпанных снегом могилах нас собралось 6 человек. В том числе проводник из партизанского отряда. В этот решающий момент жизни, когда ставкой были свобода и жизнь, ноги от волнения еле держали меня. Я совершенно не помню деталей. В памяти осталась одна лишь одна картина: группа ребят в шапках ушанках, в разных позах, опирающихся на усыпанные снегом стволы деревьев. Инструктаж был коротким. Идем друг за другом на расстоянии видимости. Я как раз должен был идти вслед за проводником. Он предупредил нас, что если кто-либо потеряет из вида впереди идущего, он должен самостоятельно добраться до перелеска на 19-ом километре Могилевского шоссе. Там, справа от дороги, на уровне километрового столба проводник будет ждать до 3 часов дня. Мы

двинулись в путь. Постепенно силы приходили ко мне. Но когда мы приблизились к Червенскому рынку, и я увидел полицейский наряд, страх сковал мои разум и мышцы. Мне казалось, что все они смотрят на меня, и, конечно же, видят, что я еврей. Я пришел в себя, только тогда, когда почувствовал толчок в спину. Это толкнул меня беглец, следующий за мной. Несмотря на жгучий мороз, я был весь мокрый от пота. Стремясь инстинктивно затеряться в толпе, я ринулся к базарному забору, где шла бойкая торговля. В это время я и потерял из вида проводника. В период растерянности, когда мы проходили мимо рынка, я свернул не вправо, как нужно было, а влево. Наконец все беглецы собрались на Могилевском тракте. Я облегченно вздохнул:

- Ребята, все в порядке. - Мне было неудобно, что из-за меня мы потеряли проводника. – Я знаю дорогу. Мы должны успеть.- Но эта улица вывела нас на проселочную дорогу, а нам нужно было Могилевское шоссе. Когда мы поняли, что Могилевское шоссе мы спутали с Могилевским трактом, было уже поздно. Несмотря на быструю ходьбу, на пределах возможности, мы пришли в лесок на 19-м километре с опозданием на два часа. Проводника там уже не было. Нашему разочарованию не было границ. Один из парней просто взвыл. Мы не знали дороги в лес, и у нас оставался один лишь путь – назад в гетто. Опасность заключалась в многочисленных контрольных пунктах на дорогах. Но мы боялись не только немцев и полицейских. Любой встречный мог выдать нас. А это была верная смерть. Делать было нечего. Мы возвратились в гетто.

Так как в течение нескольких дней меня на работе не было, я оказался вне закона. Попытка возвратиться на работу грозила допросами в гестапо. По той же причине я не мог жить и со своей семьей. Мой дядя прямо сказал мне, чтобы я смылся куда угодно. Мое положение было

незавидным, и сам я был опасен для окружающих. Взвесив все возможности, я понял, что у меня есть единственный шанс – устроиться у Регины. С этой девушкой я часто встречался по вечерам. Мы с ней не только беседовали и спорили. Мы были более чем друзьями. Вечером я пошел к ней, в надежде, что она уже пришла с работы.

Дверь мне открыла пожилая женщина, которая выглядела полной, несмотря на голод, царивший в гетто. Она тяжело дышала. Видимо скорость, с которой она спешила открыть мне дверь, была чрезмерной для ее больного сердца. По рассказам Регины я так и представлял ее тетку.

- Здравствуйте. Регина дома?

- Извини парень, а ты кто такой? – Она с испуганным взглядом впилась в мое лицо.

- Я ее друг, Матвей.

- Заходи. Она провела меня в маленькую комнату, которую они занимали вместе с Региной. Регина колдовала около кухонного стола, где однозвучно жужжал примус. Душистый пар, весело подбрасывая крышку, выстреливал из кастрюли и заполнял всю комнату. Увидев меня, Регина вытерла руки о фартук, бросилась ко мне и мы обнялись.

У меня началась новая жизнь, в которой Регина играла главную роль. У нас не было свадьбы, регистрации и подарков, но когда мы оставались вдвоем, не было никого счастливее нас. Чем больше я узнавал Регину, тем сильнее ее любил. Меня покоряла ее женственность и способность к самопожертвованию. Постепенно я привык к ее тетке и воспринимал ее, как часть нашей жалкой мебелировки. Регина содержала нас обоих. Ее тетя старалась помочь ей. Она убирала квартиру и готовила пищу. Однако ситуация была взрывоопасной. В любое время могла быть облава или следующая акция. На карту была поставлена наша жизнь. Мне, одному

или с Региной необходимо было уйти в лес. Все мои помыслы были только об этом. Я по-прежнему встречался в подвале кукольного театра с Сарой, Давидом и Володей, но проводники из леса, к сожалению, приходили очень редко.

В один из первых дней нашей совместной жизни, во время уборки комнаты, тетка Регины нашла у меня под подушкой пистолет. Когда я вечером пришел домой, она встретила меня вопросительным взглядом, на который я сначала не обратил внимание. Но когда она на мое обращение:

- Как дела? - не ответила вообще, я понял, что что-то произошло.
- Тетя Соня, что случилось? – я испугался – не пришла ли беда в мою семью?
- Что это у тебя под подушкой лежит, сопляк? – угрожающе выдавила тетка сквозь стиснутые зубы. – Ты хочешь всех нас отправить в гестапо? Сила ее голоса нарастала и, наконец, она закричала фальцетом:
- Немедленно выбрось этот пистолет в уборную.
- Успокойтесь, тетя Соня. – Я взял ее за руки и посадил ее рядом с собой.
- Тише, соседи могут услышать. Я собираюсь уйти в лес к партизанам. Без этой штуки туда не принимают. Потерпите еще несколько недель, а может быть дней, прошу Вас.

Я не могу сказать, что она меня с тех пор полюбила, но, во всяком случае, примирилась с существующим положением вещей и терпеливо ждала моего ухода. Вероятно, тот маленький скандал был услышан нашими соседями. Они стали интересоваться, кто я такой. Как передавала тетя Соня, соседи стали ее донимать своими страхами, что из-за меня могут расстрелять всех жителей дома. И тогда она припугнула их, сказав, что я партизан.

В тот период большое количество бандитов и мародеров называло себя партизанами. А немецкая пропаганда всех, кто базировался в лесу, называла бандитами. Поэтому не удивительно, что наши соседи замолкли раз и навсегда.

Я получил задание от Сары Левиной доставать любые лекарства. Связался через папиных знакомых с инфекционной больницей. Снабжение ее было очень плохое. Тем не менее, мне удалось достать бинты, марлю и некоторые инструменты. Я пропадал там целыми днями еще и потому, что это было самое безопасное место не только в гетто, но и во всем Минске, так как немцы боялись заразиться и никогда не посещали это заведение. Возвращался я домой обычно затемно, чтобы не шляться по улицам, когда все работают, и не дразнить злой глаз. По утрам я заскакивал на толкучку, где можно было купить самые удивительные вещи, в том числе и лекарства. Там я и встретил Лизу, свою давнюю знакомую. Мне приходилось встречаться с ней в гетто и раньше, и всегда мы с ней беседовали довольно откровенно. Поэтому и сейчас она без опасений сообщила мне, что ищет дорогу к партизанам.

Свобода и месть

В Минском гетто жили также евреи, привезенные из Германии и Голландии. Они были отгорожены от местных евреев проволочным забором. Их называли «гамбургскими», так как первая партия западных евреев была привезена из Гамбурга. В отличие от местных евреев, которые были обязаны носить на груди желтый круг, гамбургские носили желтую шестиконечную звезду Давида. Служивший в это время в Минске

оберлейтенант авиации Отто Шульц, которому было около 45 лет, безумно влюбился в гамбургскую еврейку Эльзу и хотел спасти ее вместе с ее двумя сестрами. Он собирался отправить их к партизанам и через Лизу, которая дружила с Эльзой, искал дорогу в лес. Немец предлагал грузовик, который мог увезти в лес 25 человек. Шульц поставил условие, что поедет с нами только в том случае, если их, т.е. его с Эльзой, отправят из партизанского отряда в Москву. Я понял, что немецкий офицер должен заинтересовать партизан, но ничего обещать без предварительной консультации с Сарой Левиной не стал.

- Знаешь, Лиза, я уже один раз уходил к партизанам. – Я не вдавался в подробности, чтобы не пугать ее. – Вскоре я собираюсь навсегда уйти в лес. Я передам все, что ты мне сказала, тому от кого это зависит. Может быть, оттуда пришлют проводника раньше.

- Я тебя очень прошу. – Лиза с силой сжала мое запястье. – Никому не называй имен.

- Даю тебе честное слово. Хочешь, комсомольское? Честное комсомольское. Я шутил, потому что волна счастья уже вскружила мне голову. Я чуть было не забыл назначить ей свидание. – Как только я получу сообщение, я приду к тебе домой. Ты живешь там же на Мебельном.

- Да.

В тот же день во время сбора нашей ячейки я передал мой разговор с Лизой. Две недели я ждал ответа от Сары. И хотя еще не знал, на сколько мест в машине я могу рассчитывать, но был уверен, что своих близких мне удастся увезти в лес. Наконец Сара мне сказала, что в лесу согласились с условиями офицера и разрешили мне продолжать переговоры. Сара просила взять в машину пятеро подготовленных ребят. Во время второй

встречи мы с Лизой обсуждали лишь один вопрос: по сколько человек с каждой стороны будут взяты в машину. В конце концов, мы остановились на соотношении 12:13. Я уступил ей минимальное большинство, потому что в это время моя сестра серьезно заболела, и не могла уйти в лес, а мама категорически отказалась ехать без нее.

Лиза сказала, что документы на машину будут выписаны для заготовки дров, и поэтому нужно захватить с собой топоры и пилы. Она также предупредила, что немец шофер не посвящен в истинные цели поездки и поэтому необходимо, чтобы кто-нибудь из пассажиров умел вести машину. Руководство партизанского отряда, вероятно, побаиваясь провокации, не выслало проводника, а назначило место встречи в глухой деревушке Пуховического района.

Морозная зима 1941 года сменилась ранней весной. Уже в марте вскрылись реки, и каждый день веселая капель разрушала ледяной панцирь земли. Ранним мартовским утром мы собрались около грузовика. Ночной мороз превратил вчерашние лужи в ледяные зеркала. Солнце еще не взошло, но очертило линию горизонта. Лиза подвела меня к Шульцу, и я передал ему нарисованную от руки схему маршрута. Мы посадили рядом с шофером своего человека, который в случае необходимости мог вести машину, и который хорошо знал дорогу. В нашей группе было 4 пистолета, так что в случае предательства мы были готовы ликвидировать немцев и самостоятельно добраться к своим. Рассвело. Мы подъехали к полицейскому патрулю. Шульц спустился с машины, чтобы объяснить цель нашей поездки. Мы с Региной крепче прижались друг к другу, и каждый из нас сильнее сжимал пистолет.

Командир патруля предупредил Шульца, что впереди, метрах ста от поста находится разобранный мостик, так что мы не сможем проехать и,

кроме того, за пределами их поста начинается зона, где можно наткнуться на партизан. Обер-лейтенант Шульц проявил удивительное самообладание. После непродолжительных переговоров полицейские сами настлали доски на разрушенный мостик и пожелали ему счастливого пути. К полудню мы подъехали к взорванному мосту. По ту сторону реки находилась деревушка, которая на карте значилась, как место встречи с партизанами. На противоположном берегу не было никаких признаков жизни. Все беженцы соскочили с машины и начали обсуждать сложившееся положение. Ничего не понимал и поэтому особенно нервничал немецкий шофер. Наконец один из беглецов сбросил одежду и бросился в воду. Переплыв речку, он обежал многие дома деревни, пока не обнаружил спрятавшегося на печи мальчика. Услышав русскую речь, мальчик обрадовано закричал: - «Во, а я думаю, шо гэта немцы». Оказалось, что жители деревни, увидев машину, спрятались в лесу. Лишь этот пацан не успел сбежать. Он показал, где спрятана лодка, на которой все беглецы и два немца перебрались в деревню. На вражеском берегу осталась лишь горящая машина. Выяснив обстановку, возвратились из лесу жители деревни, а вслед за ними партизаны. Все, в том числе обер-лейтенант, разместились в деревне как гости. А шофера заперли на ночь в кладовке.

Это была самая сладкая ночь в моей жизни. Мне приснилось мое счастливое детство, кукольный театр и мама, которая все время старалась впихнуть в мой рот яичницу. Я все время увиливал, хотел схватить за ниточку резинового шарика, но никак не мог дотянуться, потому что красивая кукла, похожая на Мальвину, тянула шарик в свою сторону. Наконец, мне удалось схватить ниточку и мы с Мальвиной, которая вдруг

превратилась в Регину, беззаботно хохоча, полетели над цветущей землей.

Под утро русская печь, на которой нас устроили хозяева хаты, стала невыносимо горячей. Пахло мясом и жареным луком. Я взглянул на спящую Регину. На ее бледном лице появился румянец. Лицо выражало удовлетворение и благодать, но глазные яблоки метались. Казалось, что она стремилась что-то сказать, но звуки застревают внутри, несмотря на полуоткрытый рот. Я был счастлив вдвойне: и свободой, и любовью к этой женщине. Когда мы спустились с печи, хозяин широкоплечий светловолосый мужик лет пятидесяти уже сидел за столом и разминал огромных размеров ладони. На столе стояла закрытая газетным клепом темно-зеленая поллитровка и четыре прибора: металлические миски и обкусанные стеклянные стаканы. Хозяйка колдовала у печи. Мы пили самогонку. Первая треть стакана - за освобождение из гетто, второй тост - за Победу и третий - за любовь. Сначала эта вонючая жидкость вызывала у меня тошноту. Но после третьего тоста жизнь казалась мне прекрасной, и я пытался поцеловать и Регину, и хозяйку. Хозяин, который опорожнял свой стакан после каждого тоста, подвел меня к углу, где под образами в рамке под стеклом в виде мозаики находились фотографии родителей и детей. В это время за окном послышался шум и свист. Мимо окон толпа крестьян тащила по утоптанному снегу тело немецкого шофера. Ночью он сбежал из-под стражи. Жители деревни поймали его на болоте и по дороге забили до смерти.

Так мы вырвались из гетто, и для нас с Региной сразу же началась партизанская жизнь. Отто Шульца отправили в Москву, но без Эльзы, так как из Москвы никаких указаний на этот счет не поступило. Впоследствии Эльза вышла замуж за русского парня и осталась в Белоруссии. Одна из

ее сестер вышла замуж за местного еврея, и после войны они уехали в Биробиджан. Я до сих пор не могу понять, что немецкий офицер нашел в этой рыжей, конопатой, ничем непримечательной девушке. А вот же влюбился.

Вы спрашиваете - как относились партизаны к евреям? Спросите у любого еврея. До войны никакого антисемитизма не было. Может быть, правильнее сказать, что мы его не чувствовали. Но в то время, о котором я сейчас рассказываю, ощущалось особое отношение к евреям. Это не был открытый антисемитизм. Не было лозунгов, призывов, явных обвинений на национальной почве. Но атмосфера леса была явно насыщена не только хвойным запахом. Вот вам пример. Я с Региной и еще несколько человек, которые с нами сбежали из гетто на машине, сразу были приняты в партизанский отряд. А несколько человек долго жили в деревне, пока им не разрешили вступить в партизаны. Каждый из них жаждал отомстить немцам за себя, за родственников, за поруганную честь. Я знал их всех прекрасно. Поверьте, даже женщины и подростки хотели быстрее доказать, что они не трусы, не «засранцы». Партизанам нужны были бойцы. Их с большим трудом вербовали среди местного населения. Я был свидетелем, как это происходило в белорусских селах.

Однажды я шел на задание с группой таких вербовщиков. Мы зашли в хату, в которой в это время находились супружеская пожилая пара и здоровенный молодой мужик. Кто еще жил в этой хате я, честно говоря, не знаю и думаю, что моих попутчиков это даже не интересовало.

- Мужики, есть разговор. – Объявил командир группы после знакомства и теплых рукопожатий. Нас пригласили за стол, который быстро наполнился обычными в таких случаях деревенскими яствами: самогонка, сало, колбасы, соленья, грибы и блины. Хозяйка нервно суетилась у печки и

изредка вопросительно поглядывала на мужа. А тот, накупившись, сидел за столом, односложно отвечая на вопросы партизан. Их сын был молчалив. Все время поглядывал в угол в сторону иконы, и только испарина на лбу выдавала его сильное волнение. Когда мы выпили за Родину, за Сталина и за победу, командир поднял стакан и обратился к парню:

- Пора Николай взять в руки оружие и послужить Родине.
- А кто вас, партизан, кормить будет? – огрызнулся Николай. – Appetit у вас хороший. Заберете меня, еще кого, а кто будет землю пахать?
- И нас и тебя прокормят другие. Сейчас такое время, что позарез нужны солдаты.

Бывший учитель имел большой опыт в агитационной работе. Его переговорить было трудно. Однако все понимали, что самым веским и непререкаемым аргументом было вооружение этого маленького спецотряда.

- Так ведь власти нет. – Выдавил Николай.

В некотором смысле он был прав. В эту глухомань, между речкой и первозданным лесом, немцы малыми силами не смели и нос показывать. Зато, все, что недобирали немцы, забирали себе партизаны.

- Мы - советская власть. – С пафосом провозгласил командир и сильно ударил кулаком по столу. Подпрыгнула и зазвенела посуда. Хозяйка в страхе отпрянула от стола. – Если не пойдешь с нами, будем считать тебя дезертиром. - Командир смачно отрыгнул. - Понял? Прижатый к стенке такими вескими аргументами, парень не мог отказаться пойти с нами.

Из гетто с нами в лес приехал парень, которого еще в гетто все называли Абрашка-кузнец. Его долго не принимали в партизанский отряд, несмотря на его многократные обращения в разные инстанции. Только

через 3 или даже 5 месяцев, командир нашего партизанского отряда Лapidус помог ему вступить в отряд под командованием Матавояна. Это был хороший боевой командир, но, сколько я его знал, он всегда здорово пил. Почему он был хорошим для других, но не для Абраши-кузнеца? Во время приема Абрама в отряд Матавоян устроил настоящий спектакль. Сначала он выстроил личный состав отряда. Поставил новичка перед строем и этак артистично обратился к бойцам:

- Перед вами стоит Абрам, который в гетто работал на немцев, а затем 5 месяцев сидел на шее у партизан и жрал кашу в деревне. За это время он не соизволил найти оружие в болоте.

Матавоян сделал паузу, впился налитыми кровью глазами в шеренгу партизан и улыбнулся. Партизаны расслабились. В их рядах послышались смешки. Довольный произведенным эффектом, командир партизанского отряда продолжал:

- Так Абраша, дело не пойдет.

Вот так и продолжалось: антисемитские анекдоты у костра, косые взгляды и ... соответствующее отношение во всем. Когда пришли наши войска, Матавоян, оформляя документы на своих бойцов, сдал Абрашу-кузнеца в штрафной батальон вместе с полицейскими, которые служили немцам и явились в партизанский отряд только перед самым приходом наших войск в июле 1944 года.

Я встретил Абрама уже после войны. За 10 месяцев он сумел разукрасить всю грудь орденами и медалями. Среди них я, помню точно, были два Ордена Красной Звезды. А Матавоян? После войны он некоторое время был директором пивоваренного завода, затем руководил рестораном, но попался на какой-то афере и сел надолго в тюрьму.

В то время в партизанской зоне распространился слух, что немцы засылают евреев к партизанам для отравления колодцев. Якобы в качестве доказательства принадлежности к этой шпионской группе служит наличие золотой коронки в верхнем ряду справа. Можете себе представить, что многие евреи поплатились жизнью только потому, что у них во рту блестело золото. В то военное время человеческая жизнь ничего не стоила. Проще было расстрелять, чем сомневаться. Я же со сто процентной гарантией могу утверждать, что не было в лесу ни одного еврея, который мог бы быть шпионом гестапо.

Я был подрывником. В месяц наша группа должна была совершить два подрыва железнодорожных путей. Иногда цели подрыва находились в сотнях километров от нашей базы. Подготовка взрыва на месте занимала от нескольких дней до недели. Мы искали удобные подходы к путям, изучали график движения поездов и график передвижения сторожевых обходов. Подкоп под рельс, подкладывание мины и ее маскировка обычно занимали не более часа. А затем длительные часы ожидания состава, нагруженного боевой техникой и немецкими солдатами. В перерывах между заданиями мы занимались поисками неразорвавшихся бомб и снарядов. Из них наши специалисты вытапливали тол и делали самодельные мины.

Однажды весной 1943 года мы собрались у вечернего костра и слушали разные истории. В нашей компании были трое штатных балагура, которые не давали потухнуть компанейскому настроению. Они сменяли друг друга, переходя от анекдотов к разным случаям из довоенной жизни или воспоминаниям из художественной литературы. Иногда анекдоты повторялись, но на это никто не обращал внимания. Реакция всегда была такой бурной, будто бы мы слышали это в первый раз. Мы все

инстинктивно боялись больших перерывов, когда ужасная действительность ставила перед нами неразрешимые проблемы относительно завтрашнего дня и судеб наших близких. В одну из таких пауз, когда наши балагуры приумолкли, Вероника, подруга командира разведки, рассказывала о последнем задании.

- Собрав в деревнях продукты, мы ехали проселочными дорогами в лагерь. На дороге вдоль речки, что течет из дальних болот, кто-то разрушил мост, и на переправе в грязи увязла крестьянская повозка. Мужик с бабой до макушки измазанные грязью, смачно ругаясь и напрягаясь до посинения, безуспешно толкали повозку и стегали кобылу плеткой. А в повозке сидела девочка - ангел около двух лет с вьющимися светлыми волосами и карими глазками. Такой сказочной красоты я не видела никогда. Она продолжала рассказывать, как вырвали из грязевого плена эту крестьянскую семью и расстались с нею у развилки. Вдруг из рядов слушателей раздался надрывный голос: - Это моя дочь! - Все разом обернулись в ту сторону. На черном фоне ночного леса в ореоле падающих искр засветилось надеждой лицо Розы Поляковой. - Ну, конечно, если красивая девочка, так это только твоя дочь, - с насмешкой вставила Регина. - У каждой матери свой ребенок самый красивый. Раздался чей-то смешок. Роза сумбурно в сильном волнении стала рассказывать, как она перед первой акцией вытолкнула дочку за пределы гетто. Она и раньше делилась с нами своей болью, особенно со мной, когда узнала, что я был свидетелем ее расставания с дочкой. Мы сочувствовали ей и конечно желали, чтобы она нашла свою девочку. Но ее уверенность, что группа Вероники встретилась именно с ее дочкой, всем казалась совершенно безосновательной и даже раздражала.

- Нет, вы не смейтесь, моя дочка, в самом деле, очень красивая, - настаивала Роза. Теперь ею руководили какие-то высшие силы. Она добилась от командира отряда разрешения на передвижение в партизанской зоне. Она объездила много деревень и все-таки нашла свою белокурую красавицу.

Из-за забора, она увидела ухоженную девочку, которая стояла на коленках, расставляя на скамеечке возле колодца свои незатейливые игрушки. Когда Роза увидела дочку, радость переполнила все ее естество. Она хотела подхватить ее на руки и спрятать лицо в ее беленьких завитках. Но за прошедшие 1.5 года ее Белочка очень изменилась. Что-то серьезное и незнакомое появилось в ее личике. Роза с мужем схватились за руки.

– Не торопись, – сжав руку мужа, сказала Роза. - Она может испугаться. - Они прошли по дорожке вдоль грядок с зеленью, взошли на крыльцо и постучали в избу. Им открыла та красивая женщина, которая подобрала Розочку за оградой гетто. На ее лице можно было прочесть удивление и испуг. За столом у окошка застыл в неестественной позе чубастый мужчина, далеко не крестьянского вида. Роза узнала обоих. Нервно заламывая пальцы, она стала рассказывать, как выставила дочку за ограду гетто.

- Вы спасли мою дочь. Я не знаю, как Вас отблагодарить.

- Она моя дочь, – твердо заявила женщина, - я не могу отдать ее вам. Она у вас была 1.5 года и у нас столько же. Мы имеем на нее такие же права, как и вы. Куда вы ее заберете, снова в гетто? - И не слушая возражения Розы, добавила. – И пригласить остаться у нас я тоже не могу. Иногда и в нашу глухомань заезжают полицаи. Не дай Бог, пронюхают, что у нас прячутся евреи, тогда всем нам крышка.

- Нам ничего не надо, – объяснил Давид, – мы сами воюем в партизанском отряде. И Розочку мы не можем взять с собой. Когда оказалось, что эти две пары не имеют друг к другу никаких претензий, и что у девочки фактически две пары любящих родителей, все уселись за быстро собранный стол и, перебивая друг друга, стали рассказывать о своих судьбах.

Люся, так звали новую мать Розочки, в первые дни войны отправила своего мужа на фронт. Когда в начале войны многие пленные из наспех организованных лагерей отпускались к своим родственникам, она обходила такие лагеря в надежде найти своего мужа. Но тщетно. Во время этих поисков ей приглянулся молодой ленинградец, у которого не было шансов вырваться из плена. Назвав его своим мужем, Люся вывела Олега из лагеря, и они стали жить вместе с ее 10-летним сыном. Осенью 1941 года они приютили, а затем и полюбили еврейскую девочку. Все это было пересказано за столом.

Вскоре после этой встречи Олег ушел в наш партизанский отряд. Он был хорошим товарищем и бойцом, но пал в одном из боев. Он умирал у меня на руках. Можете мне верить или нет, но последние его слова были обращены не к прекрасной женщине Люсе и не вообще к кому-либо близкому, а - «За Сталина!»

Было жаркое лето 1943 года. В землянке на нарах в тифозном бреду я видел мирную жизнь: Во время дневного сна в пионерском лагере слышалось редкое падение капель дождя с крыши. Из раскрытого окна распространялся запах освеженного дождем леса, и особенно выделялся смолистый запах липы, ветви которой заслоняли раскрытое окно. Дождь кончился. Издалека долетала разноголосица детских криков, а вблизи солировала какая-то птичка. Я хотел помочиться, но у меня не было сил

подняться. Желание нарастало и, наконец, затмило умиротворяющую картину детства. Я раскрыл глаза и огляделся. Напротив меня в темном помещении, как в гамаке, висел покрытый струпьями человек. На его ногах и руках были марлевые пропитанные зеленым гноем повязки. Он весь истекал гноем, тошнотворный запах которого выворачивал мои кишки. «Я хочу сцать!» – закричал я, но сам услышал только легкое шуршание губ. После нескольких попыток позвать кого-нибудь на помощь я полностью изнемог и, в конце концов, наслаждался своей слабостью. Когда моя голова прояснилась, у меня уже не было сомнений, что мы с соседом перенесены в землянку для умирающих и, поэтому особым вниманием нас баловать не будут. С этой мыслью я утонул в темноте сна. Утром я проснулся относительно бодрым со свербящей пустотой в желудке. Голод поднял меня и я, качаясь, направился к выходу. Боже мой! Навстречу мне в землянку шел сам Самуил Аронович.

- Доктор, здравствуйте, что со мной случилось? Добрый взгляд нашего отрядного врача выражал искреннюю радость с оттенком удивления. Вероятно, он не ожидал увидеть меня в живых, и тем более на собственных ногах. Из бокового кармана кожаного баульчика, с которым он редко расставался, доктор вытащил зеркало и, хохоча, сунул мне под нос.

- Ну и типчик, краше в гроб кладут. На меня глядел худой и обросший дикарь с запавшими, блестящими глазами. Доктор сказал несколько ободряющих слов на идиш, а затем, подойдя к обожженному, поднес это же зеркальце к его рту.

- Жив!? – удивился он, – ты узнаешь своего товарища? – обратился он ко мне. Пока доктор отмывал повязки, смазывал гноящуюся поверхность каким-то жиром и завязывал вновь, я пристально всматривался в человека и не находил ничего знакомого. Нормальная кожа у него была только на

заднице и на некоторых участках спины. Между струпиями на отечных глазах и губах торчал совершенно обугленный нос. Его руки были красные и отечные, как огромные лапы. Пальцы слиплись, и, казалось, местами срослись между собой.

- Да это же Володя Розанов, - подсказал доктор, - у него обожжено более 70 процентов кожи. Еще неделю назад я был уверен, что он не вытянет. С такой площадью ожога не выживают даже в больнице. Но сейчас сомневаюсь. Сильный мужик. Да и люди помогают. Местный поп в своей проповеди призвал паству приносить для него мед, подсолнечное масло и барсучий жир. И ты знаешь - приносят.

Володя был смелым и умелым партизаном. Это сочетание сродни природному таланту. Конечно же, все люди разные. Довольно часто встречаются мужчины противоположного склада. При нормальном умственном и физическом развитии они способны вполне прилично выполнять свои профессиональные обязанности, но необходимость вбить в стенку гвоздь, или тем более что-нибудь сотворить руками у них вызывает раздражение, а попытки претворить это в жизнь – смех у свидетелей. Так вот у Володи были золотые руки и душа поэта. До войны он «брал» ювелирные магазины, но не для обогащения, а искусства ради. В то время, когда меня свалил тиф, Володя Розанов и Мария Данилевич были отправлены на задание в Пуховический район. Возвращаясь с задания, они остановились по пути в деревне, как вдруг нагрянули немцы. Мария, заслышав рокот мотоциклов, выскочила из хаты и убежала за околицу, где присоединилась к работающим в поле женщинам. Благо она была одета как любая белорусская баба. Володя задержался в хате и выскочил в огороды, когда немцы уже проезжали по улице. Шеренга мотоциклов и «Вилис» остановились. Немцы, крича и смеясь, ринулись в

погону. Послышались выстрелы. Убегая от погони, Володя нырнул в сарай с сухим хлебом и спрятался между мешками с зерном под ворохом пустой мешковины. Он надеялся, что немцы потеряли его из вида, и затаился, как амбарная мышь. Вдруг сразу со всех сторон полыхнуло жаром. В момент сгорели волосы на голове и бровях. Не чувствуя боли он ринулся к задней стенке склада и стал выламывать доски. Никто не видел, как он выскочил из амбара и угодил в курятник. Немцы, уверенные, что из горящего со всех сторон амбара выбраться невозможно, укатили восвояси. А жители деревни были свидетелями чуда. По центральной улице бежало белое существо, и не человеческим голосом кричало “Маруся, Марус..я, Марусь...я!” А та, увидев смешное видение, невольно захохотала. С отъездом немцев у нее на душе стало легко. Только когда это чудное существо приблизилось к ней, и она увидела обгоревшие нос и уши, и тело со сползающей кожей и лопнувшими пузырями, к которым прилипли куриные перья, жалость погасила ее смех. Она поняла, что это Володя, когда из его уст услышала свое имя.

Володя выжил. После войны он продолжал заниматься довоенным бизнесом. После очередной отсидки, во время встречи ветеранов он утверждал, что ювелирные изделия не нужны ни людям, ни государству и, что большую часть награбленного он раздавал знакомым.

Матвей Лазаревич сделал большую паузу, бросил в нашу сторону грустный взгляд своих больших карих глаз и сказал: - По моим подсчетам из Минского гетто в лес ушло от 500 до 2000 человек. Это от 1.5 до 2% населения гетто. Многие молодые парни, не только способные, но и жаждущие бороться с оружием в руках вынуждены были умереть без попытки борьбы. Когда я организовывал побег на немецкой машине, ко мне подходили ребята с одним и тем же вопросом – знаю ли я дорогу в

партизанский отряд. Я ее знал, но мог указать ее только тем, в ком не сомневался, ни на йоту - брату или однокласснику. Я думаю, в противовес бравурному отчету бывшего руководителя подполья гетто Григория Смоляра, выводом людей из гетто не руководило ни минское подполье, ни партизанский штаб, никто, кроме самих евреев. В этом наша беда и печаль. Вы хотите знать правду. А она тает с давностью из-за известных свойств памяти, перевирается людьми в свою пользу или злонамеренно. Вы знаете, о том случае, когда мы бежали из гетто с немецким офицером, была написана книжонка. Так вот в ней обо мне не слуху, ни духу. Во время празднования двадцатилетия освобождения Минска около 100 бывших партизан пятого отряда имени Кутузова собрались в театральном кафе. Немного подвыпив, ребята устроили дебош. Они возмущались поведением Банькова, который в отряде заполнял наградные листы. Он не постеснялся придти, увешанный орденами.

- Ты бы хоть сюда не надевал их, - хватая за его ордена, стыдили его пьяные товарищи, - мы то знаем, чего они стоят. На шум прибежал бывший командир отряда Лapidус.

- Ребята, успокойтесь, умоляю вас. Гриша, отцепись от него. Дора, убери своего муженька. Сделай это ради меня.

Естественно, что он боялся скандала. Боялся, что его выпрут из обкома. Ищи тогда свою или нашу правду.

- Матвей Лазаревич, час тому назад Вы сказали, что уверены на сто процентов, что не было ни одного еврея, который мог бы быть шпионом гестапо. Почему же Вы перед уходом в лес не подсказали другим ребятам, как найти дорогу в партизанский отряд? - спросил я.

- Это я говорил про евреев, уже пришедших в партизанский отряд. Борьба против немцев в рядах партизан не гарантировала жизнь, но давала шанс

выжить и мстить. Возможность мстить наполняла сердца людей ощущением свободы и счастья. Любая же связь с немцами за пределами гетто для еврея была бессмысленна. Уже с первых месяцев создания гетто было очевидно, что цель создания гетто - уничтожение его жителей. В самом же гетто жесточайшая конспирация была необходима. Во-первых, у немцев была возможность заставить еврея работать на гестапо, временно даровав ему или его близкому жизнь. Во-вторых, среди ста тысяч жителей гетто могли найтись и находились подлецы, готовые на все, чтобы выслужиться в надежде на поблажку.

Мы поблагодарили хозяев, и пошли одеваться в прихожую. «Было очень приятно познакомиться с вами ребята, – сказала хозяйка, – но думаю, что ничего с фильмом на эту тему у вас не получится». К сожалению, она оказалась права. В то время, несмотря на перестройку, еврейская тематика не проходила. Но мы тогда были полны надежд, и такой пессимизм вызвал у меня раздражение. «Если мы сейчас не встанем на защиту чести евреев... – начал я и запнулся в недоумении. Хозяева встрепенулись и зашушукали.

- У дочери в комнате друзья, – объяснила Регина. Оказалось, что я слишком громко произнес слово «еврей». В семье Майзель не было своих детей. Они взяли на воспитание девочку, которая знала об этом. Они воспитывали ее как русскую. А как они могли ее еще воспитать? Еврейских школ не было, религия была в загоне. Атмосфера в обществе была такова, что евреи стыдились своего отношения к еврейству. Если бы я закричал во весь голос «китаец» или «папуас», это могло вызвать, лишь добрую улыбку хозяев. Более постыдными словами, чем «еврей», могли быть только нецензурные слова, которые я сейчас не могу напечатать.

Мне было стыдно, но ведь я их понимал. Я сам вырос в этой атмосфере. Уже при открытой двери Матвей Лазаревич вдруг спохватился и сказал:

- На днях у меня был Федор Шедлевский. Он был первым партизаном, вышедшим из Минского гетто. Его история просто уникальна. Но поторопитесь, у него рак желудка. Запишите его телефон. И успеха вам, ребята. До свиданья!

Прошло некоторое время, и у нас возникла потребность уточнить некоторые вопросы. Например, какова судьба его отца. Но нам не удалось застать Матвея Лазаревича в живых. Он был хорошим хирургом и замечательным человеком. А наше расследование только начиналось.

Кто мы?

Некоторое время по дороге к троллейбусу мы шли, молча, находясь под впечатлением прошедшей встречи.

Скажи, Аркадий, - начал я, - ведь, если ты узнаешь, что с каким-либо, даже незнакомым тебе евреем случилось несчастье, у тебя падает настроение, а, если незнакомый еврей добился значительных успехов, ты горд за него?

- Да!

- Значит, ты любишь евреев?

- Конечно!

- Не кажется ли тебе странным, что ты любишь весь еврейский народ, а жена у тебя славянка?

- А, у тебя?

- Да, и у меня, - ответил я, - значит это не случайность. Может быть, это бессознательный способ уйти от антисемитизма путем ухода от еврейства? У нас работает один грузин. Недавно у него родилась дочь, и сотрудники его поздравляли с этим событием. Шутя, я спросил его, мол,

когда дочь вырастет, отдашь ее за русского? Нет! – ответил он очень серьезно, - она грузинка и замуж выйдет за грузина. – А за еврея? Ты знаешь, ответил он, что я одинаково хорошо отношусь и к русским, и к евреям, но моя дочь грузинка и поэтому она выйдет замуж только за грузина. И затем, казалось без явной связи, он сказал следующее. «Если кто-нибудь тебе скажет, что любит тебя сильнее, чем свою мать, плюнь ему в лицо – этот человек не любит никого или врет».

- Мы сохранились как народ, благодаря тому, что наши предки на протяжении тысячелетий вели себя как этот грузин. Что же происходит с нами сейчас?

- Мы находимся в такой неблагоприятной атмосфере, - подхватил Аркадий, - что у каждого еврея поневоле возникает комплекс. Чтобы не чувствовать себя бьяками, мы постоянно ищем доказательства обратного. В титрах кинофильмов, в списках награжденных, везде и всегда мы ищем еврейские фамилии. Почему? Потому что нас унижают, не допускают, подозревают, передразнивают и надсмехаются. Это самозащита. А в некоторых случаях самозащита преобразуется в антисемитизм. Да, в еврейский антисемитизм. Для того чтобы защитить себя от унижения и самоунижения, такой еврей разделяет еврейский народ на евреев, т.е. хороших людей, таких как он сам и ничем не отличающихся от русских, и жидов, т.е. плохих евреев, для которых нет ничего дороже денег и, вообще, нет ничего святого, и которые картавят на идиш. Мол, ребяташки, прошу меня любить и жаловать - я свой в доску и ничего общего с этими противными жидами не имею. Недавно в компании один мой такой знакомый рассказывал, как во время прогулки в парке к нему приласкался щенок. Очень симпатичная дворняга. Он прижал его к груди и замер от удовольствия, почувствовав теплоту и доверие животного. В это время

проходил мимо нас какой-то парень и с типичным еврейским акцентом с протягиванием вторых слогов спросил: «Это ваша собачка? - Нет? Какая красивая, видимо дорого стоит?». «Он повторил это несколько раз, - с ненавистью и презрением рассказывал мой знакомый, - вот жидовская морда, ему, видите ли, надо знать, сколько стоит собака».

- Я, аж, взбесился, - вспоминал Аркадий, - а что ты сделал со щенком? – спросил он знакомого. - Погладил да отпустил – ответил тот. - Вот видишь, твоей любви хватило, чтобы погладить бездомного щенка и отправить его голодать дальше, а тот противный еврей, если, конечно, он остановился рядом с тобой не из простого любопытства, может быть, продал бы его человеку, который бы, затратив деньги, ухаживал бы за ним до конца его собачьей жизни. Ты возненавидел прохожего, как еврея, за его внешний вид и прононс, и эту ненависть ты распространяешь на всех не полностью обрусевших евреев, чтобы открестится от своей беды, что ты еврей. А как бы ты отнесся к белорусу, который во время немецкой оккупации бросил еврейского ребенка в колодец? Ты решил бы, что он плохой человек? Или все белорусы мерзавцы? Ты просто антисемит.

- Поэтому, - подхватил я, – некоторые евреи меняют фамилии, скрывают национальность и молчат, когда их оплевывают. В нашем подъезде живет пожилая пара с интересной фамилией Жидовичи. Он белорус, хотя по шнобелю можно предполагать, что его предки получили эту фамилию не случайно. Во время немецкой оккупации он участвовал в подполье и спас свою жену еврейку. А рассказываю я тебе о них потому, что и в наши дни они живут, как во время оккупации. Открывают дверь с испугом в глазах, никогда не пропускают внутрь квартиры. Знаешь почему? Они берегут «доброе имя» сына. Он работает доцентом в политехническом институте,

который находится напротив нашего дома. Сын посещает родителей редко и в темное время суток, чтобы никто не узнал, что его мать еврейка.

- Откуда ты знаешь его мотивы? Он тебе сказал?

- Нет, я с ним не знаком. Не было случая. За многие годы я видел его лишь один раз, взбегающим по лестнице на верхний этаж. Это я понял из бесед с его матерью. Не тебе объяснять, что многие работники, чуть протиснувшись наверх, боятся порочащих их семейных связей с евреями.

Не так давно к нам в гости пришел мой школьный товарищ с женой. Он человек коренной национальности, да и она по паспорту белоруска. Они были поражены антисемитизмом, с которым столкнулись впервые. Лада после окончания физфака работала на заводе инженером. Кроме этого, она окончила четыре курса консерватории по классу фортепьяно. Неординарная личность, не правда ли? Их маленький сын часто болел, как все детки младшего возраста, не более того. Ладе не с кем было оставлять ребенка, поэтому она часто брала больничный лист. Начальство, естественно, было недовольно. Как-то после очередного выяснения отношений с начальником цеха Лада в сердцах написала заявление об уходе и вполне законным образом была уволена. Проблемы возникли тогда, когда она захотела устроиться на работу. Ей отказывали везде, где были вакантные места, хотя она не претендовала на какую-то особенную зарплату или даже перспективу. Сначала она с мужем не понимала в чем дело. Лада обратилась за помощью к своему дяде, проректору института, но тот категорически отказался. Почему? Потому, что Лада родилась в результате пламенной, но быстротечной любви матери с офицером, участвующим в освобождении Минска в 1944 году. Да, Лада носила фамилию мужа и писалась белоруской, но она унаследовала еврейскую внешность своего отца, с которым никогда не

жила. Родной дядя по матери прямо объяснил свой отказ: он не хочет, чтобы кто-нибудь думал, что в его «жилах» течет еврейская кровь. Благодаря своим «незапятнанным» документам Лада с первой же попытки по конкурсу документов прошла на должность младшего научного сотрудника в один из институтов Белорусской Академии наук.

Беседуя, таким образом, мы с Аркадием прошли мимо нескольких троллейбусных остановок. Мои ноги промокли, но прерывать наш диалог страшно не хотелось.

У тебя, Аркадий, есть какое-либо чувство стыда или сожаления, что ты еврей?

- Нет, сейчас нет. Да нам и нечего стыдиться. Я горжусь вкладом евреев в науки и искусства. И все же, следует признаться, что, когда я слышу разговор на идиш, мне становится не по себе. Картавость мне режет слух. Этот язык кажется некрасивым, и я невольно оглядываюсь. Умом я понимаю, что языки не могут быть некрасивыми, а родной язык для его носителя всегда прекрасен. Немецкая речь, которая так похожа на идиш, у меня не вызывает никаких эмоций. А картавая речь француза, без преувеличения, услаждает мой слух. Я думаю, что мое отношение к идиш, который я слышал с детства, это остаток в моем подсознании стыда, что я еврей, который я испытывал в детстве при контакте со своими сверстниками. Да ладно об этом. Я пока с трудом представляю фильм о гетто. Что снимать? Старых зданий почти не осталось, а люди, которые были в гетто уже в таком возрасте, что трудно от них ожидать живого эмоционального рассказа. Я думаю, что Матвей Лазаревич – это редкое исключение. Ну, посмотрим. Меня удивляет, что я нигде не слышал о предателях минского гетто. Вероятнее всего, что Майзель с ними не пересекался, в противном случае он не вышел бы в лес. Это был

результат хорошей конспирации - он знал только свою тройку. Но предатели ведь были. Трудно себе представить, чтобы гестапо не имело в гетто своих осведомителей.

Да, я тоже об этом нигде не читал. Но о случае предательства мне рассказывал наш сотрудник Борис Гринберг. В июне 1941 года он с детским садом был вывезен на дачу в Ратомку. Когда началась война, родители приехали на дачу, чтобы забрать детей. Но заведующая сказала, что саду выделили транспорт, и все дети в организованном порядке будут вывезены в Россию. Родители многих детей доверились ей. Но, когда машина приехала, заведующая уехала сама, оставив детей на попечение нескольких нянечек. Через несколько дней Борю забрал к себе дядя, мамин брат. Детские впечатления сохранились в тумане. В памяти остались яркие разрозненные картины, которые запечатлелись благодаря сильному эффекту на ум ребенка. Он с другими детьми делал подкоп под забором из колючей проволоки. Дети проползали наружу, не отходя далеко от лаза, чтобы в случае опасности успеть прошмыгнуть обратно. Он помнит, как мужчины собирали опавшие листья и курили самокрутки. Один небритый рыжий сумасшедший у всех на виду пил свою мочу. Однажды, по дороге на работу с высоты дядиных плеч он увидел мертвую лошадь и никак не мог оторвать свой взгляд от ее неподвижного блестящего глаза.

Собираясь уходить в партизаны, дядя с помощью знакомого полицейского устроил его в белорусский детский дом под чужой фамилией. С этого времени начались самые голодные дни. Борис помнит, как ползал под столами столовой, которая находилась по соседству с детским домом. Он засовывал в рот все, что падало со стола, или колдуны, которые брезгливые посетители выбрасывали из похлебки под

стол. Ходили по помойкам и, если находили обрезанный вершок морковки, считали это лакомством. Совсем маленькие детки ловили на окнах мух и съедали их. Вдоволь наедался он только во время редких белорусских праздников, когда поздравлять детей приходили белорусские националисты. Тогда на столах стояли ведра с затиркой, и дети ели по 2-3 миски. При торжественной встрече дети выстраивались в несколько шеренг и пели белорусские песни. Несмотря на то, что Боря был один из самых маленьких, воспитательница всегда отодвигала его на задний план. Желая угодить гостям и в предчувствии обильной пищи, мальчик пел самозабвенно и постепенно протискивался вперед. Но воспитательница, во избежание неприятностей, выталкивала картавого певца из первой шеренги назад. Дважды в детдом приходила так называемая «медицинская комиссия», которая отбирала среди воспитанников детей с голубыми глазами и светлыми волосами. Как свидетельствовали документы, их потом вывозили в Германию. Члены комиссии в белых халатах сидели за столом у входа в спальню. Дети стояли в проходе между кроватями в очереди на «медкомиссию». Боря стоял где-то в конце. Сидевшая в центре комиссии красивая блондинка, заметила его издали, вышла из-за стола и, глядя на него, поманила пальчиком. «Ком цу мир!» Растопырив удивленные карие глаза, Боря подошел к даме. Та внимательно всмотрелась в детские черты, и видимо усомнившись в его расовой чистоте, пнула ногой под зад, да так сильно, что Боря кубарем влетел под кровать.

За день до ухода в партизанский отряд, в результате предательства, Борин дядя был арестован и умерщвлен в душегубке. После освобождения Минска мать нашла Бориса только благодаря тому, что дядя сообщил новые паспортные данные мальчика друзьям семьи.

Некоторое время мы шли молча. Каждый задумался о своем. Мы расстались на троллейбусной остановке, договорившись встретиться вновь через неделю.

Часть 2

Первый партизан из гетто

Через неделю после нашего знакомства с доктором Майзелем, по его рекомендации, предварительно договорившись по телефону, мы с Аркадием направились на встречу с Федором Давыдовичем Шедлецким. Он жил вдали от центра в двухкомнатной «хрущевке». Встретил нас пожилой человек среднего роста, поражающий неестественной худобой. На его невыразительном лице выделялись беспокойные глаза. Нас провели в неуютную комнату с убогой мебелью. Рядом с хозяином в напряжении стояла его жена. До этой встречи мы узнали, что не так давно Шедлецкий вернулся после длительного заключения в связи с так называемым «золотым делом». После обследования в онкологическом отделении стало ясно, что его дни сочтены. Перед нами был жалкий больной экз. Поэтому вопросов о его здоровье, и жизни после войны мы пытались избегать. Рассказ Федора Давыдовича был сбивчивым и не всегда убедительным.

- Мое настоящее имя Фима, - начал он. - Родители умерли, когда я был еще маленьким. Воспитывался в детском доме. Занимался борьбой и бегал за девчонками. После окончания средней школы начал работать слесарем. Ремонтировал машины. Зарабатывал прилично. Жил самостоятельно на квартире. Когда началась война, мне исполнилось 17 лет. О зверствах немцев мне ничего не было известно, поэтому в первые дни войны я продолжал работать, как всегда. Вокруг меня была атмосфера уверенности, что, если Германия нападет на Советский Союз, то война будет на территории врага. Поэтому я собрался уйти из города только тогда, когда немцы уже были под Минском, и опоздал.

Невозможно передать моё состояние в начале оккупации. Все перевернулось. Человеческая жизнь обесценилась. До войны я не видел ни одного мертвого человека. Для меня жизнь была чем-то непоколебимым, вечным и святым. С первого же дня войны я увидел горы трупов. После бомбежек их собирали и увозили на машинах, как поленья. А когда пришли немцы, людей убивали в таком большом количестве, что чужая смерть уже не вызывала никакого ужаса. Я постоянно думал, как спасти свою жизнь. Можно сказать, что все, что бы я ни делал, было направлено на спасение жизни. Если в первые недели оккупации я задумывался, как прокормиться завтра, то с образованием гетто ощущение голода не покидало меня никогда. Хорошо, что я не курил потому, что особенно страдали курящие мужчины. Они сушили листья деревьев и делали самокрутки.

Я жил в гетто в одной маленькой комнатенке с моим другом Ваней Кудраковым. В то время проживание в гетто было даже более безопасным, чем в русской зоне, так как внутри гетто не было облав. Но скученность была ужасная. Мы с Ваней игнорировали запрет выходить без

разрешения в русскую зону и почти каждый день уходили туда за пропитанием. Так же легко, как мы выходили из гетто, бандиты из русской зоны по ночам входили в него. По чей-то наводке они врываются в дома, где еще можно было чем-нибудь пожить. Пользуясь изолированностью деревянных домов друг от друга, и страхом, вызванным беспрецедентной жестокостью новой власти, бандиты убивали и грабили беззащитных людей почти каждую ночь. Люди стали укреплять заборы и строить массивные ворота на средневековый манер. Но это не помогало. Когда опускались сумерки, ворота и ставни намертво закрывались, а жители собирались у мерцающей свечи и пересказывали виденные и услышанные события прожитого дня.

В моей жизни все переменялось коренным образом после того, как мой товарищ Миша Рудицер познакомил меня с Борисом Павловичем Хаймовичем. До войны он был директором ткацкой фабрики в Белостоке. Его люди подделывали документы так, что их невозможно было отличить от настоящих. С их помощью я получил аусвайс на имя Фёдора Шедлецкого со спасительной записью «белорус». Так как моя внешность соответствовала этой записи, я мог свободно передвигаться за пределами гетто.

Вскоре Борис Павлович приказал мне, чтобы я сопровождал его в русскую зону. Перед оградой мы спорили с пиджаков наши желтые метки и, проскользнув под колючей проволокой, переулками прошли почти в центр города. Следует сказать, что Хаймович был исключительно надежный мужик. Рядом с ним я не чувствовал никакого страха. Открыл нам дверь красивый мужчина лет тридцати. У него был очень дружелюбный вид. Сначала Борис Петрович уединился с ним в зале, а

меня отправили на кухню, где хозяйка накормила меня жареной картошкой. Вскоре меня позвали, и Хаймович сказал мне.

- Федя, считай, что ты мобилизован. Твоего командира, - Хаймович указал на хозяина квартиры, - зовут Славиком, и ты, как военнообязанный, должен выполнять все его приказы, понял?

В облике Славика было что-то такое неуловимое, что мне захотелось вытянуться и отдать честь. С тех пор я со Славиком общался неоднократно. По его приказу, вместе с Ваней, я доставал оружие и медикаменты. Однажды из Минска в деревню вывез раненного. Он посылал меня искать связи с партизанами. Только после войны узнал, что под псевдонимом Славик в подполье работал бывший офицер Красной Армии Исая Казинец, и был он секретарем подпольного горкома партии. О том, что он был евреем, я узнал только лет пять тому назад. Вот это конспирация!

Первый контакт с партизанами

В середине августа 1941 года к одному из своих знакомых в гетто пришел в гости Петр Шелег из Бахровичей. Он рассказал, что к нему иногда заходят партизаны. Эти сведения передали Славиком, и он послал меня к Шелегу, чтобы установить связь с партизанским отрядом. С разрешения Славика я взял с собой свою подругу Людю, которая была в курсе наших подпольных дел. Она была эстонкой. Иногда, задерживаясь допоздна в русской зоне, я ночевал у нее. С собой мы взяли два самодельных рюкзака с разной одеждой. По легенде мы отправились по деревням, чтобы поменять эту одежду на продукты питания.

Бахровичи находились в 25 километрах от Минска по Слуцкому шоссе. Мы добрались до намеченной цели только к вечеру. Петр Шелег жил на

краю деревни в очень бедном доме. Пол в доме был глиняный. Русская печь, деревянный стол с лавками да образы в углу. Вот и все убранство. Между печью и стенкой, за приподнятой занавесью виднелась хозяйская кровать. Хозяева нас встретили приветливо. Две дочери и мальчуган смотрели на нас с нескрываемым любопытством. Нас накормили картошкой и уложили спать на набитый соломой матрац. Ночью мы проснулись от стука в дверь. Слышен был шепот хозяина с пришельцами. Вдруг несколько человек вошли к нам за занавесь и один из них зычно и зло скомандовал: - Встать! - Я рывком поднялся, подтягивая трусы, и вытянулся по струнке. Люда присела на матраце и закрыла руками голую грудь. Перед нами с наганом в руке стоял молодой военный в кожанке пограничника. Он протянул руку и строго приказал:

- Документы! Я рукой стал шарить по своей одежде, которая была сложена на табуретке, чтобы вытащить свой аусвайс, но он резким движением ноги отодвинул табуретку в сторону и приказал стоящему поодаль молодому человеку в галифе: - Посмотри, что у него в карманах. - Пока тот вытаскивал документы, ключи, грязный носовой платок и прощупывал все мои вещи в поисках оружия, я переступал с ноги на ногу, не зная с чего начать. В это время в комнату через дверной проем просунул голову Шелег и сказал, обращаясь ко мне.

- Ты искал партизан, Федя? Так вот они и пришли.

- Для чего мы тебе понадобились, - спросил с ехидцей военный, - немцы много денег обещали? Говори правду, ведь мы о тебе все знаем. У нас есть в городе свои люди.

- Мы пришли из Минска, - начал я.

- Ну.

Я раньше никогда не видел партизан и абсолютной уверенности, что передо мной партизаны у меня не было. Кроме того, готовясь к встрече, я не предполагал такого грубого обращения, поэтому и не решался сказать, что меня послали из минского подполья. Пока я мялся с ответом, военный уверенно сказал:

- Ясно, это шпионы. Ваня, вяжи им руки. – И, обращаясь ко мне, жестким тоном добавил:

- Не двигаться, руки назад. При попытке к бегству – смерть!

Когда нам связали руки, он позвал еще двоих партизан и приказал:

- В расход. Только отведите в сарай, чтоб не запачкать пол их поганой кровью. Зарыть там же.

Люда заплакала. Только тогда до меня дошло, что с нами не шутят. Другого выхода не было, и я стал уговаривать командира выслушать меня.

- Послушайте, нас послали установить связь с партизанами. В Минске есть подпольная организация, которая руководит борьбой против немцев. Вы слышали о взрыве в депо, нападениях на машины? Это дело рук нашей организации. Меня просили передать, что горожане могут снабжать партизан оружием, медикаментами и одеждой. Да мало ли что вам нужно. А мы нуждаемся в переправе в лес своих людей, за которыми охотится гестапо.

Пока я выпалил эту фразу, нас за шкирки выволокли в ночь. Вокруг была темень, а звезды подмигивали, насмехаясь над нашим горем.

- Мы же у вас ничего просим, - повернув голову к командиру, в отчаянии продолжал я. Мысли мои метались в поисках аргументов и доказательств того, что мы не шпионы. Люда как была в одних трусах, так и плелась вслед за мной с красными глазами и мокрым лицом.

– Неделю назад дядя Петя приходил в Минск и сказал, что к нему приходят партизаны. Если бы нас послали немцы, они бы уже давно сами были бы тут.

Нас завели в хлев. Тени от качающейся керосиновой лампы прыгали по стенам. На шум поднялась корова и вытаращила на нас свой огромный удивленный глаз. Нас поставили к стенке в проходе между коровьим стойлом и куриным насестом. Командир навел на меня наган и грозно сказал:

- Последний раз спрашиваю, кто направил вас на поиски партизан, гестапо, или абвер? Считаю до трех. Раз...

- Честно говорю, Славик меня послал, - визгливым голосом закричал я. Но крик получился очень приглушенным. В горле у меня пересохло.

- Ладно, пойдем, поговорим, расскажешь, кто такой Славик, - сказал спокойным голосом командир. Нам развязали руки и вновь отвели в хату. Мы не сразу поняли, что инсценировка расстрела была проверкой. Мы пережили тяжелые минуты, но я их не осуждаю, ни в коей мере.

А кончилась эта история тем, что я длительное время поддерживал связь между Славиком и Сергеевым. В то время его партизанская группа состояла всего из 17 бывших военнослужащих.

Гетто – донор партизан

Впервые я вновь пришел в гетто в начале сентября 1941 года по заданию Сергеева. Мне больно было смотреть на исхудавшие мрачные лица встречавшихся по дороге евреев. Я вспоминал свои ощущения того времени, когда сам был среди них. Сейчас я шел рядом с ними или мимо них и меня переполняла радость бытия. Между мной и ними пролегла

невидимая граница, граница между рабством и свободой, подавленностью и надеждой. Вечером я с Борисом Хаймовичем постучались в дом председателя юденрата Ильи Мушкина. Я знал, что это умный и честный человек, которого суровые обстоятельства жизни заставили выполнять неприятные для него обязанности. Несмотря на то, что он служил немцам, он делал все, чтобы облегчить страдания жителей гетто и поэтому к нему все относились с уважением. Мушкин просунул голову в полуоткрытую дверь, и, кивнув на мое приветствие, вопросительно посмотрел на меня, а затем на Хаймовича. Мол, что ему надо?

- Меня прислали к вам из лесу, начал я, - можно зайти?

Он оглянулся по сторонам. Начинало темнеть, и улица была пуста. Так же без слов он распахнул дверь и кивком головы пригласил нас зайти в дом.

- Это свой человек, - сказал Хаймович, - ты можешь быть с ним откровенным, как со мной. Пока он наша единственная связь с лесом. Нужно, Илюша, помочь партизанам. У них ничего нет. Они еле добывают себе на пропитание. Если мы поможем им создать основу для жизни и боевых действий, они смогут расшириться и принимать людей из гетто.

- А ты, что скажешь? - обратился Мушкин ко мне.

- Мне приказано передать Вам от имени партизанского командования, чтобы юденрат не платил немцам никакой контрибуции, а собранные у населения гетто деньги передал партизанам.

- Пока это невозможно. Все деньги и драгоценности зарегистрированы. Кроме того, среди нас есть люди, которые работают на гестапо. Мы находимся под колпаком. Вам нужно связаться с руководителями производств. Например, со швейной мастерской. У них всегда есть

неучтенная продукция, которую они могут передавать партизанам. Мы на это закроем глаза.

Вечером я зашел к родственникам Миши Рудицера. Туда же на встречу со мной Борис Хаймович привел Ефима Столяревича. Я им рассказывал о жизни в партизанском отряде. Столяревич написал письмо командиру с обещанием помочь отряду всем, чем располагает гетто. Как только он получит список, партизанам передадут все необходимое, вплоть до оружия. На следующее утро я увел Хаймовича в партизанский отряд. Уже после войны я узнал, что под кличкой Столяревич скрывался руководитель подполья гетто Григорий Смоляр.

Вскоре Борис Хаймович отправил меня в гетто для вывода пяти подготовленных людей в партизанский отряд. Я пришел в гетто с поименным списком, который он мне дал. Мы договорились, что я приду вновь через 3 дня, когда все члены этой группы будут готовы. Я их должен был взять в одном из домов вблизи еврейского кладбища.

Теплым утром бабьего лета я пробрался к домам со стороны кладбища. Через дырку в заборе я стал изучать обстановку. Все работающие уже ушли на работу. Гетто давно проснулось. На улице было малоллюдно, но чувствовалось оживление, слышалось лязганье ведер и хлопанье дверей. Ставни и окна всех домов были раскрыты настежь. Только дом, где должна была собраться пятерка, стоял в безжизненном молчании с закрытыми ставнями. Это мне показалось очень подозрительным. Я стал наблюдать из-за забора, и чем больше я смотрел, тем больше убеждался в том, что явка провалена. Через два часа я ушел в лес. А спустя несколько дней узнал, что эту группу действительно кто-то предал.

Меня посылали выводить людей из гетто всего два раза. В обоих случаях это было задание Бориса Хаймовича. После первого провала я вывел в лес по списку Хаймовича 5 человек, в том числе двух медичек.

Наиболее важной задачей было добывание оружия. Как-то Иван Кудраков вспомнил, что он был свидетелем, как во время бегства из Минска в карьере возле кладбища Кальвария отступающая воинская часть выбросила винтовки. Кудраков должен был показать место, куда было сброшено оружие, а я пошел в гетто организовать его транспортировку. Подпольная организация гетто выделила две лошади, запряженные в телеги, в которых местные умельцы сделали двойное дно. Повозки сопровождали пять человек. Ранним утром мы с повозками вышли через заранее подготовленный проход в ограждении. Около Кальварии мы встретили Ваню. Несмотря на то, что почти в 50 метрах от указанного им захоронения проходило шоссе, по которому постоянно курсировали немецкие автомашины, мы работали без передышки и наши усилия не были напрасны. В итоге мы выкопали 12 винтовок и около 4000 патронов к ним, а затем все вместе ушли в Боровический лес в Рудянском районе, что в 30 километрах от Минска. Оставив беженцев в лесу, я возвратился в гетто за следующей партией.

Вскоре по заданию Славика мы решились на дерзкую операцию. В подвалах гестапо было большое количество оружия. В то время там работало большое количество евреев из гетто: столяры, электрики и слесари. Я обратился к одному из них, Барану, чтобы он нам дал ключ от склада с оружием. Он отнекивался, извивался, но, когда я вытащил пистолет, сник и обещал через два дня сделать копию ключа. Ваня Кудраков привлек к этой операции Агинского и где-то достал машину. Через несколько дней, ночью, с ключом в кармане мы въехали в Минск.

Машину оставили в метрах ста от гестапо. По плану мы должны были снять двух часовых, открыть ключом склад, загрузить оружие в машину и уехать в лес. Но сначала мы решили проверить ключ. Прячась за углом, я следил за маршрутом часовых. Оба они сходились у центрального входа. Когда они расходились, один из них приближался к дверям склада, над которыми болталась горящая лампочка. Когда он уходил в обратную сторону, двери склада оказывались за углом, вне его видимости. В один из таких моментов я прокрался к дверям. Каково же было мое удивление - ключ к двери не подходил. Операция провалилась. Обзывая Барана бранными словами, мы разошлись в разные стороны.

Наступили холода. Партизаны нуждались в теплой одежде, рукавицах, медикаментах, как впрочем, и во множестве других вещах. По заданию командира отряда мы с Мишей Рудицером пошли в гетто за добычей. Своего коня я оставил во дворе моего знакомого, недалеко от гетто. Я как вышел из лесу в полушубке, подпоясанный ремнем, так и пробрался в гетто. Миша пошел к своим родителям, а я в инфекционную больницу. По рекомендации Хаймовича я сразу же обратился к главврачу Л. Я. Кулику. Он отвел меня в котельную. Туда же вскоре пришел Ефим Столяревич. Я им рассказывал о положении дел в партизанском отряде.

- Наш отряд небольшой. Нападать на немецкие гарнизоны мы не можем. Не хватает оружия, патронов. Мы расстреливаем одиночно идущие машины, судим и расстреливаем предателей. Недавно сделали засаду на шоссе и пустили под откос легковушку. Машина сгорела, а в ней три офицера и шофер.

- А как вы добываете пищу? – спросил Столяревич.

- Люди помогают. Подальше от города есть деревни, где все осталось точно так, как при Советской власти. Немцы там появляются проездом.

Селяне делятся с нами. С питанием еще более ни менее, но немцы все время сидят у нас на хвосте. Несколько дней или недель мы располагаемся вблизи какой-нибудь деревни, а они уже пронюхали – тут как тут. Приходится все время передвигаться.

- Как относится командир к тому, чтобы принимать людей из гетто. Мы можем посылать молодых сильных ребят. Это укрепит ваш отряд.

- Сейчас просто нет возможности. У нас нет постоянной базы. Я пришел за медикаментами и теплой одеждой. Мы просто замерзаем. А что это у вас люди шныряют тут, как в проходном дворе? - заметил я

- Это медсестры и врачи, - улыбнулся доктор Кулик, - они узнали, что в котельной находится партизан. Ведь ты первый, кто пришел к нам из леса. Вот им и захотелось посмотреть на тебя.

- Это надежные люди? – с тревогой спросил я.

- Не волнуйся, все свои, - успокоил меня Столяревич.

Вообще то, всеобщее внимание, хотя и лестно, но мне совсем ни к чему. Береженого Бог бережет. Я решил быстрее покинуть это заведение.

- Надеюсь, что уйду отсюда не с пустыми руками, - намекнул я.

- Да, - ответил Кулик, - я уже распорядился. Сейчас принесут сумку с медикаментами. Чем богаты, тем и рады поделиться. К концу месяца нам должны поставить новую партию медикаментов, тогда мы сможем кое-что собрать и для вас.

- А как насчет теплой одежды? – спросил я.

- Я дам распоряжение собирать для вас одежду, - сказал Столяревич, - а пока, знаешь что, подойди к заведующему швейной мастерской Мошкину. Он мужик не плохой, но трусливый. Если подойти к нему с умом, он поможет.

К Мошкину мы пошли вместе с Мишей Рудицером. Он сел на скамейку около входа, а я вошел в мастерскую. Десятки пар женских глаз, кто вопросительно, а кто с удивлением смотрели на меня. Стрекотание швейных машинок на несколько минут стихло и вновь возобновилось, когда все узнали, что мне нужен Мошкин. Одна из женщин провела меня в кабинет заведующего. Его хозяин, коренастый и высоколобый еврей, ковырялся в кипах бумаг.

- Вот Вам господин Мошкин, - представила меня моя спутница, и добавила, обращаясь к начальнику на идиш, - что-то он не похож на еврея.

- Кто ты и что тебе нужно, - обратился ко мне Мошкин.

- Я пришел по заданию командира партизанского отряда взять у Вас теплые вещи для партизан.

- Я тебя не знаю, и знать не хочу. Вон отсюда. – И он резко указал на дверь.

Я аж задрожал от бешенства, резко распахнул полушубок и схватился за пистолет.

- Ну, стреляй, - Мошкин артистично развел руки в стороны и выпятил вперед грудь, - но если ты меня убьешь, ты тем более, ничего не получишь. Просто некому будет тебе что-либо дать.

Было ясно, что, в принципе, он не против выполнить мою просьбу, но, вероятно, боится провокации. Ведь он меня не знает. Для него я просто чужак. А с Мишиной семьей, он возможно, знаком.

- Одну минутку, господин Мошкин, я сейчас вернусь.

Я выскочил на улицу позвать Мишу. Буквально через минуту мы вдвоем вошли в кабинет заведующего.

- Здравствуйте, Абрам Иосифович, – обратился Миша к Мошкину, привет Вам от папы. Федя, - он кивнул на меня, - мой товарищ. Мы вместе пришли из леса. Вы можете ему доверять.

- Хорошо ребята, только чтоб ни одна душа об этом не узнала. Идемте со мной.

Он повел нас на склад. Там мы затолкали в три мешка теплую верхнюю одежду, варежки и большой котел для варки пищи. Мошкин выпустил нас через черный ход, и мы перенесли все это в дом Мишиных родственников, которые были уплотнены другими евреями.

Уже было темно, нам нужно было торопиться. Мы бросили мешки в коридоре, а сами зашли в комнату Мишиных родителей, чтобы перекусить на дорогу. Уплетая суп с клецками, мы вспоминали события прожитого дня.

- Все-таки, мы его уговорили, Миша. Ну, собираемся.

Миша попрощался с родителями, и мы вышли в коридор. А там, в полной темноте, в наших мешках копалась жиличка, семья которой жила в комнате напротив.

- Бандиты! Сволочи! – зашипела она, - из-за вас нас всех расстреляют. Я сразу поняла, что вы партизаны. Награбили и в лес? Не-е-т, это вам так не пройдет. Я сообщу в юденрат. Сами расплачивайтесь за грабеж. Почему нас подставляешь? – Вдруг закричала она мне в лицо.

- Заткнись или убью, - сквозь зубы процедил я.

- А, забоялся? – А-а-а-а...

Левой рукой я обхватил ее за шею, а правой закрыл ее рот. В таком состоянии я вытащил ее во двор и задушил. Мишин отец вышел на шум и увидел уже обмякший труп.

- Помоги отнести ее подальше от дома, - обратился я к Мише. У меня не было никаких сомнений в правильности моего поступка. Я спасал не только себя, и даже в большей степени не себя, а близких Миши Рудицера. К сожалению, этот эпизод в последующем послужил его родственникам поводом обвинить меня в убийстве Миши.

А дело обстояло таким образом. Как-то мы с Мишей пошли на задание в гетто. В партизанский отряд я возвратился один. Труп Миши нашли весной в сугробе, когда растаял снег. Он был убит ножом в спину. Никакого отношения к этому я не имел.

- Федор Давыдович, - обратился Аркадий к хозяину, - извините, что я Вас перебиваю, как же Вы ушли из гетто без Вашего друга?

- Я уже деталей не помню, но что я мог поделаться? Ждал его, ждал и, в конце концов, ушел.

Один раз, - продолжал Федор Давыдович, - я по заданию Славика отвез в партизаны раненного командира Блаженова. Он был ранен в ногу. Я на телеге привез его в Бахревичи к Шелегу. В это время отряд Покровского вел жестокие бои с немцами. Пока я ходил по окрестностям, чтобы разобраться в обстановке, Блаженова забрали партизаны из отряда имени Кастуся Калиновского. Когда я возвратился в хату Шелега, раненного командира там уже не было.

Всегда начеку

Там же в Бахревичах жила семья Ремизевичей. Они занимали то ли восьмую, то ли в девятую хату от края села. Это была очень хорошая семья. Отец семейства был учителем. У них жил приписником полковник Бессмертный, который поддерживал связь с командиром партизанского

отряда Сергеевым. Однажды командир отправил меня в Минск с заданием ввести Бессмертного в городское подполье. Спозаранку мы двинулись с ним в путь. Что-то мне не нравилось в этом человеке и удерживало меня от откровенности с ним. В 17 километрах от Минска я отказался идти с ним дальше и ушел назад. Когда я пришел в партизанский отряд, там уже получили сведения, что Бессмертный предатель. Нам с Кудраковым дали задание ликвидировать предателя. Мы пошли в город и сделали это.

В январе 1942 года партизанские отряды Покровского и Сергеева объединились в единый отряд. Полковник Ничипорович стал командиром отряда, Покровский – комиссаром, а Сергеев – начальником особого отдела. Ничипорович был талантливым командиром. Пятого марта 1942 года наш отряд был окружен украинскими националистами. Шли жестокие бои. Необходимо было найти брешь в окружении. Командир организовал несколько разведывательных групп по несколько человек и направил их в разные стороны. Одна из групп натолкнулась на отдельно стоящее здание с немецким часовым. Часового они сняли. В доме оказался немецкий офицер - то ли историк, то ли психолог - специалист по борьбе с партизанами. У него партизаны нашли план окружения отряда. Этот документ помог найти место, наиболее слабо прикрытое немцами, через которое мы вышли из кольца блокады. Однако немцы все время сидели у нас на хвосте. Быстро идти нам не позволяли раненые. Ничипорович тогда пошел на такую хитрость. В один поселок вошла группа партизан. Они арестовали полицаев и старосту, при всем народе их судили и расстреляли. Эта группа вела себя так, как если бы это был весь партизанский отряд. Они «навели порядок» и с помпой ушли из села в надежде, что о направлении их пути вскоре узнают немцы. Так оно и получилось. Показная группа без раненых была очень маневренная и

легко ушла от преследования. А основные силы отряда ушли в другую сторону.

Полковник Нечипорович до войны командовал 208 дивизией. В память об этом он назвал партизанский отряд «208». Пятого марта во время окружения в отряде насчитывалось уже 500 партизан. После выхода из окружения командира вызвали в Москву. Там он якобы был обвинен в том, что незаконно присвоил отряду это название. Он объявил голодовку и видимо погиб. Во всяком случае, в отряде он больше не появлялся.

Все эти годы я был разведчиком. Можно сказать, что мне очень везло. Из 80 человек, которые от начала до конца партизанского движения были рядом со мной в разведке, остались жить только двое. Я один из них. Разведчики были на особом положении, из-за опасности, которой мы подвергались. Фактически мы были мишенями, которые движущийся отряд выставлял впереди себя. Поэтому мы и питались лучше и были более свободными. Так, например, мы не участвовали в общем построении. В то же время, мы выполняли и не совсем приятные поручения. Взвод разведки приводил в исполнение приказы о расстрелах.

- Федор Давыдович, - воспользовавшись небольшой передышкой, спросил Аркадий, - были ли какие-нибудь ограничения для приема евреев в партизанский отряд?

- Ни о чем подобном я не слышал. Были случаи, когда я расстреливал евреев, но это были предатели. Вот, например, такой случай, - продолжал Федор Давыдович, - в отряд пришла женщина по имени Йоха. А из гетто мы получили сведения, что в гетто она выдавала людей немцам. Я по приказу командира ее расстрелял.

В моей боевой жизни был такой период, когда я сам висел на волоске от смерти. В начале 1943 года меня перевели на должность заместителя

начальника особого отдела бригады. Начальником отдела был некий Умецкий. Мне новая должность очень не нравилась, так как часто приходилось расстреливать людей. В конце концов, я просто сбежал в свой отряд. Умецкий добрался до меня и потребовал от командира отряда, чтобы меня расстреляли. К моему счастью тогда пронесло. Уже после войны мы не раз встречались с Умецким, но старались не вспоминать тот момент из прошлого.

При упоминании о гетто люди задают всегда один и тот же вопрос: почему евреи дали себя уничтожить, почему не сопротивлялись? Знаете, на этот вопрос у меня есть два контр вопроса. Во-первых, что вы знаете о сопротивлении евреев? Об этом так мало написано. Или вы считаете, что я и тысячи таких как я сидели, сложа руки? Во-вторых, я сам видел, как немцы вели колонну военнопленных по Минску. Колонна шириной в 4-5 человек начиналась от дома правительства, а кончалась у Комаровского рынка. Я думаю это около четырех километров. Почему они, молодые мужчины, обученные военному делу, не сделали ни одной попытки убежать? Это вам ответ. Кроме того, учтите, что выход из гетто сопровождался большим риском. Любой мужик, заподозрив в тебе еврея, мог потащить к полицейскому, а это было равнозначно смерти. Часто ли это было? Еще как. За такую помощь немецкому командованию «патриоты» получали пачку табака. Если Вы курите, то знаете, как хочется курить. Теперь-то вы, надеюсь, поняли, чего стоила жизнь еврея?

Мои паспортные и внешние данные не были раздражителями антисемитских выходок, но я был свидетелем таких случаев и в самой партизанской среде. В 1943 году на озере Палик был такой случай. У нас в отряде воевал смелый партизан Глайхингауз. Его переполнял юмор, который, вероятно, не всем был понятен или приятен. Как-то во время

построения стоящий с ним рядом парень со злостью сказал ему: - «Спрячь свой живот, жидовская морда». Глайхингауз, не задумываясь, выхватил пистолет и ударил обидчика по голове. Их обоих затащили в землянку и стали разбираться. Командир, выслушав объяснения, обратился к парню:

- Ты что, Сергей, за полтора года оккупации забыл то, чему тебя учила Советская власть на протяжении 20 лет? Еще немного и ты предашь саму Советскую власть?

Парень побледнел. Он понял, чем это ему грозит. Одна фраза командира «расстрелять» и через 10 -15 минут приказ будет приведен в исполнение. Он молчал. Вдруг командир обратился ко мне:

- Что будем делать, Федя? Ты у нас секретарь комитета комсомола. Последнее слово за тобой.

- Парень просто не подумал, - начал я, - глупость слетела с губ. Я уверен, что ничего подобного больше не повторится.

- Ладно, быть по твоему, - заключил командир, и, обращаясь к Сергею, сказал, - молись Богу за Федора.

С тех пор парень был готов поделиться со мной чем угодно, даже очень дефицитными в то время портянками.

Мой друг Йоселе

В начале пятидесятых умер один мой знакомый, который во время оккупации наелся антисемитизма и от соседей, и от партизан. Звали его Иосиф Шпрейрегин. Родился и жил он в местечке Плещеницы, где до войны было около 5000 евреев. Работал заготовителем в плещеницком райзаге, растил троих сыновей. В начале войны ему было за сорок. Он

был известен по всему плещенецкому району и все, как евреи, так и белорусы звали его просто Йоселе.

Когда немцы пришли в Плещеницы, они организовали плещенецкое гетто на окраине местечка, возле деревни Прилепцы. Однажды ночью Йоселе ушел из гетто вместе с сыновьями. Сначала они добрались до Долгинова, которое до 1939 было польской территорией. А, когда уже и там начали вылавливать евреев, он взял с собой 80-летнего тестя Исроеля Шульмана и еще одну семью и перебрался в плещенецкие леса, где их прятал знакомый лесник Воронько. Большинство других еврейских семей, которые прятались в лесу, по наводке местных жителей были схвачены полицейскими. Некоторых из них расстреляли на месте. Других сопроводили в гетто. В сентябре 1941 года всех евреев из Плещенецкого гетто перегнали в город Борисов, где около аэродрома убивали евреев из всех окрестных местечек. После войны местные жители рассказывали, как на глазах у родителей детей сажали в грузовую крытую машину, захлопывали двери, и машина делала круг по периметру аэродрома. После этого тела отравленных выхлопными газами детей вытаскивали из машины и сбрасывали в овраг. Тех, кто еще подавал признаки жизни, пристреливали. Я там не был, и не буду пересказывать, как выли матери, как они падали в обморок, как пристреливали тех, кто в порыве безумия бросался к своим детям. В конечном счете, всех остальных постигла та же участь.

Йоселе повезло больше, чем другим. Воронько привозил в лес пищу, рассказывал последние новости, но однажды он сообщил, что в окрестных деревнях идут слухи, будто бы полиция ищет Йоселе. После этого все беженцы с помощью лесника переселились на болото вблизи деревни Хатынь. На сухом месте в окружении болотной топи они соорудили

землянку. В десяти километрах от основной базы на другом болоте они построили запасной шалаш и летом заготовили и заложили продукты в обоих местах.

Относительная безопасность их существования притупила бдительность. Потребность в общении была так велика, что старший сын Йоселе Эля пошел навестить своего дядю Авромеела. Их обоих схватили полицейские недалеко от деревни Хорошее, что в 20 километрах от Плещениц. У Авромеела на спине они вырезали шестиконечную звезду, а у Эли срезали кусок ягоды. Затем их пригнали в Плещеницы и расстреляли на краю болота. Средний сын Йоселя раздобыл винтовку и ушел в партизаны. Остался Йоселе на болоте вместе с младшим сыном Леней (Липой).

Ранней весной 1942 года пошел Йоселе вместе с сыном побираться по деревням. Мир не без добрых людей. Его помнили, жалели и давали кое-какие продукты. Их путешествие было особенно опасным, потому что за поимку Йоселя полиция уже назначила награду в 5000 рублей. Подкрадываясь к околице одной из деревень, Йоселе услышал приглушенный крик: «Иван, неси веревку, сейчас Йоселе поймаем». Должно быть, их заметили издали. Йоселе с сыном пустились наутек. Целый километр они бежали, чувствуя за спиной тяжелое дыхание преследователя. Их спасла лесная глушь. Иначе голодные и ослабевшие они не смогли бы соревноваться с бегущим за ними мужиком.

Для того чтобы его перестали искать, Йоселе придумал такую хитрость. В одно из воскресений, когда женщины из дальних деревень шли в Плещеницы на базар, он спрятался около лесной дороги, поджидая знакомого и надежного человека. Увидев такую женщину, он вышел к ней и попросил, чтобы она на базаре рассказала, будто бы видела, что в лесу

«воуки зъели Ёселя». Этот слух быстро распространился по базару, и с тех пор его перестали искать.

Но однажды Воронько сказал, что некоторые крестьяне догадываются, что он живет на болоте, так как в лесу часто чувствуется запах дыма. Тогда то, Йоселе решил попроситься в партизанский отряд. Он с сыном пошли в деревню, где размещалось командование партизанским отрядом. На окраине деревни их остановил часовой и вызвал дежурного командира.

- Товарищ командир, - обратился к нему Йоселе, - мы с сыном прятались в болоте, но про нас узнали полицаи. Мы можем выполнять любую работу и воевать, что прикажете, то и будем делать.

- Не пуцу я жидов в деревню. Идите к ебеней матери. Если они через пять минут не уйдут отсюда, - обратился он к часовому, - стреляй в пархатых. – Сказав это, он резко повернулся и ушел.

Иосиф с сыном обогнули деревню и с другой стороны по картофельной борозде проползли до краевой хаты. На стук вышел старый знакомый Иосифа, с которым он до войны работал в Плещеницком райзаге. Оказалось, что в партизанском отряде он служил в должности адъютанта командира партизанского соединения Мачульского. Встреча была очень теплой, после чего он отвел пришельцев в соседний дом, где квартировал командир. До войны Мачульский был первым секретарем Плещеницкого райкома партии и жил рядом с Иосифом. Он приветствовал старых знакомых, распорядился их накормить, а затем написал направление в партизанский отряд имени Калинина, который являлся базовым отрядом Плещеницкого района. Так как у них не было оружия, их направили работать на кухню.

Я познакомился с Иосифом на Палике, что в Бегомельском районе. Он рассказал нам свою историю. А однажды мы вместе с ним попали в ту

деревню, где за ним гнался мужик, чтобы передать в полицию. И я, и командир взвода, в котором воевал Иосиф, просили назвать фамилию того мужика, или показать его дом. Без сомнения мы бы его расстреляли. На что Иосиф ответил:

- Я не скажу кто он. У него пятеро детей, которых ему нужно кормить. Ему нужны были эти 5000 рублей.

Вскоре немецкие войска окружили партизанскую зону и загнали несколько партизанских отрядов в топкое болото на Палике. С этого болота берет свои истоки река Березина. Когда партизанам уже не было куда деваться, была дана команда пробиваться из окружения самостоятельно мелкими группами. Иосиф с сыном был прикреплен к группе из пяти партизан. Когда они отошли от основных сил, командир этой группы обратился к Иосифу:

- Нам жидов не нужно. Идите сами.

Иосиф решил отстать от группы и следовать за ней на расстоянии видимости. Вскоре они увидели, как немцы окружили и расстреляли впереди идущих партизан. Отец с сыном залезли в болото и спрятались за кустом так, что над водой торчали только их головы. В руке Иосиф держал гранату, собираясь ее взорвать в том случае, если их заметят немцы. К счастью, немцы обошли это топкое место. Беглецы были спасены.

Вскоре после войны я встретил Иосифа в Минске. Он приехал к своему старшему сыну, который после демобилизации из армии устроился в Минске. Оказалось, что его младший сын Леня после освобождения Белоруссии ушел в армию и погиб под Кенигсбергом. А сам он работал в заготовительном ларьке от Плещеницкого райзага.

- Ты помнишь, я тебе рассказывал о мужике, который за мной гнался? -

спросил мой знакомый. – Он на днях заходил ко мне в ларек. Я ему дал две пачки махорки и килограмм соли за то, что он тогда не поймал меня.

Вот так, - Федор Давыдович замолк на минутку, а затем продолжал. – Встречались, правда, и хорошие люди. Десятилетнего Аркадия Гольдберга из гетто взяла русская женщина. Она пришла в гетто с документами своего сына, который до войны был другом Аркадия. Родители мальчика погибли. Его воспитала приемная мать. Теперь она живет в деревне и считает Аркадия своим старшим сыном, а ее другие сыновья считают его своим старшим братом.

Вы можете не поверить, одного моего знакомого спас немецкий солдат. Он дал ему пистолет и вывез в лес.

В поисках истины

Мы с Аркадием Рудерманом ушли от Шедлецкого в расчете встретиться с ним еще раз во время съемок фильма. Уже во время просмотра своих записей у меня появилось много вопросов. Возникли сомнения в правдивости описания некоторых событий. Обвинения родственников Миши Рудицера в убийстве не могли базироваться только на основании того, что они были свидетелями жестокого убийства. Либо они были в курсе каких-то противоречий между Михаилом и Федором, либо они знали точно, что оба вместе вышли из гетто.

Совершенно не объяснимо, как Федор мог бросить в пути полковника Бессмертного и, не выполнив задания командира, возвратиться в отряд, сославшись на свои ощущения. Ведь это грозило ему серьезным наказанием, вплоть до расстрела. Похоже, что, выходя на задание, он

уже знал то, о чем командование партизанского отряда узнало спустя некоторое время. Полковник жил в деревне, контактировал с командиром партизанского отряда и, судя по всему, предать никого не успел. Так откуда и кем были получены сведения о предательстве? Очевидно, что через связника, якобы из минского подполья. А не было ли это провокацией гестапо? Как Шедлецкий и Кудраков в многотысячном городе нашли полковника, чтобы ликвидировать его? Вероятно, полковнику дали адрес явочной квартиры? Как же они не боялись провала явки, если знали, что Бессмертный предатель?

Во время одной из встреч с Аркадием мы с ним обсуждали рассказ Шедлецкого. У Аркадия появилась идея сделать фильм по типу журналистского расследования. Было заманчиво обострить сюжет поисками предателей. Мы понимали, что вероятность найти предателя была ничтожной, потому что во время оккупации суды не действовали. Предателей евреев уничтожали без суда и следствия и немцы, и партизаны. Да и свидетели тоже погибли. Нас вдохновляла история раскрытия, по сути дела, единственного широко известного обществу предательства минского подполья Борисом Рудзянко. Но он не имел отношения к гетто.

Аркадий потирал виски. Красные глаза говорили об усталости.

- Полночи не спал, - начал он, - не мог избавиться от навязчивых мыслей. Как ты думаешь, почему институт истории партии спустя десятилетия находит героев минского подполья, но только не среди евреев? Почему минское гетто вычеркнуто из официальной историографии? И это при том, что евреи до войны составляли около половины населения Минска. Сказать, что это антисемитизм, значит, ничего не сказать. Я хочу выяснить хотя бы для себя – почему?

- Потому что белорусы составляют сейчас абсолютное большинство как среди населения, так и в структурах власти. Потому что белорусы любят белорусов, как евреи любят евреев. Потому что белорусы не хотят повторения довоенного состояния, когда евреи преобладали на руководящих постах в производстве, в медицине, в системе образования и в прессе. Мой дядя, несколько утрируя, рассказывал, что до войны в институте, где он работал, был только один белорус – дворник. Остальные евреи. Даже тогда законодательно было оговорено, что министрами образования и здравоохранения Белорусской республики мог быть только белорус.

- Твое объяснение было бы логично, - возразил Аркадий, - если бы до сих пор по своему количеству евреи составляли бы конкуренцию белорусам. Сейчас же на почти двухмиллионное население города Минска от силы наберется 10-20 тысяч евреев. Поэтому я не вижу смысла в том унижении евреев, которое осуществляет власть. Очевидно, что она заказчик, а институт истории партии - исполнитель. Пусть заинтересованный, но исполнитель. Во-вторых, какое отношение к конкуренции между народами имеет история гетто? Пройденный этап. История – это отражение истины о прошлом. Ложь, как и полуправда, это уже не история, а легенда. А то, что делает руководство Белоруссии, уничтожая память о евреях, можно сравнить лишь с разграблением могил.

- По большому счету, Аркадий, я с тобой согласен. Но давай рассуждать здраво. Предположим два брата судятся за наследство. Каждый хочет получить больше. Можешь представить, как они друг друга порочат. Мол, один брат не жил с отцом и даже никогда не справлялся о его здоровье. И вообще он нечист на руку и только тянул деньги из родителей. А другой обвиняет брата, что тот не ухаживал за родителями, а только издевался

над ними. Чтобы они ни придумали, между ними никогда не будет братской любви. А ненависть друг к другу не будет зависеть от того верят ли они в надуманное. Так и власть в Белоруссии для того, чтобы оправдать свое негативное отношение к евреям, должна была оболгать и обвинить их, в чем либо, например, в сионизме, или распусть слухи, что евреи сражались лишь в Ташкенте. А народ держит нос по ветру. Видит, как власть ограничивает евреев и понимает, что это не зря. Может быть кому-нибудь и стыдно, но в душе и он рад, так как это дает ему преимущество перед евреями. Ведь если их не ограничивать, - думает он, - они везде пролезут первыми.

- Я думаю, - перебил меня Аркадий, - что во время предреволюционного и довоенного периодов, когда евреи были успешнее в торговле, ремеслах, науках и в революции, у славянских соседей появилась неудовлетворенность и обида. И отсюда стремление преодолеть этот комплекс любыми путями. Но если во врачи, инженеры, ученые и руководители и далее будут отбирать по национальному признаку и на основе свояченичества, это аукнется всему населению на долгие, долгие годы.

Давай вернемся к сценарию, - продолжал Аркадий, - никак не могу представить предателя внутри гетто. Как могло гестапо заставить еврея сотрудничать против соплеменников, если было известно, что, в конечном счете, немцы уничтожат всех евреев? Очевидно, что только пытками, или, взяв в заложники, самых близких людей. Конечно, не все были героями. Даже, если бы я нашел такие случаи, вряд ли смог бы очернить их имена. Тем более что этого даже не сделали наши недоброжелатели из института истории.

- Кстати, а почему они этого не сделали?

- Тут есть несколько вариантов. Либо количество случаев и тяжесть предательств была несравнимо меньше, чем среди другой части населения, либо преобладало нежелание поднимать тему гетто, чтобы вообще похоронить память о нем. К чему нам искать предателей? Разве не очевидно, что еврейское население было предано во время оккупации руководством партизанского движения и коммунистической партией в послевоенный период. Но об этом уж точно не дадут даже намекнуть.

У нас к Шедлецкому было много вопросов. Но мы задержались с повторной встречей, так как с планированием фильма о минском гетто ничего не получалось. Аркадий Рудерман постепенно отошел от этой темы. Когда же я сам решил закрыть все вопросы, Федора Давыдовича уже не стало.

Часть 3.

На пределе возможного

Небольшая книжка Григория Смоляра «Мстители гетто» никогда не переиздавалась. Она стала библиографической редкостью. Насколько мне известно, ее автор через некоторое время после войны иммигрировал в Польшу, а оттуда в Израиль. Я сфотографировал ее страницы и у меня получился вполне читабельный экземпляр. Он стал моей настольной книгой, которую я редко открывал. Но лежа на письменном столе, всегда на виду, эта книжка стимулировала мои размышления о причинах антисемитизма вообще и об отношении народов Белоруссии друг к другу. Она все время напоминала мне о необходимости собирать материалы о минском гетто. В один из субботних дней я пришел в гости к матери моего коллеги, одной из героинь книги Смоляра Ципе Янкелевне Ботвинник-Лупьян. Аркадий Рудерман к этому времени, убедившись в невозможности пробить фильм о Минском гетто, потерял интерес к этой теме.

Меня встретила уже потерявшая фигуру приветливая женщина старше среднего возраста. В течение одной минуты меня изучали ее живые, умные глаза. Усадив за накрытый стол, она дала мне две с половиной странички печатного текста - копию личного отчета о борьбе в гетто, которую, как и многие из спасшихся узников минского гетто, она передала в институт истории партии. Отчет был датирован двадцать седьмым августом 1962 года.

- Вы знаете, что мне сказали тогда в институте? – спросила меня хозяйка.
– «Это мало похоже на правду. Получается, что вы там все были героями». Позднее мои знакомые неоднократно пытались получить доступ

к материалам института, относящимся к минскому гетто, но они оказались закрытыми.

Ципа Янкелевна, усевшись удобно в кресло, начала свой рассказ.

До войны я закончила медицинское училище и поступила на заочное отделение Плехановского института в Москве. Перед войной была секретарем комсомольской организации на игрушечной фабрике. Комсомольскую работу очень любила и отдавалась ей полностью и от всей души. Когда выходила замуж, комсомольцы фабрики специально ради меня организовали комсомольский субботник, а на заработанные средства устроили комсомольскую свадьбу в ресторане. Среди комсомольцев были евреи, русские, белорусы и татары. Но в то время мы не чувствовали никакой разницы. Еврейский вопрос нам казался уже решенным.

Мой муж, капитан Красной Армии, служил под Ленинградом. В связи с тем, что тамошний суровый климат не подходил моему здоровью, мужа перевели служить в Минск, где он преподавал в детском военном училище. Сейчас такие училища называются суворовскими.

Когда началась война, я была на пятом месяце беременности. Переносила ее очень тяжело и к этому времени вся отекала. Так как моя первая беременность закончилась выкидышем, врачи рекомендовали мне не напрягаться, больше лежать. В первые три дня войны мы скрывались в подвалах, спасаясь от наводящих ужас бомбежек. В то время мыслей об уходе из Минска не было, потому что, во-первых, мы были уверены, что страна готова к войне и враг будет разбит. Это дело лишь нескольких дней. Во-вторых, мы не имели никакого представления о том, как немцы относятся к евреям. Если учесть к тому же, что я боялась потерять ребенка, то можно понять, почему наша семья в первые дни войны не

предпринимала никаких усилий для того, чтобы уйти из Минска. Однако, уже 25 июня, ночью, когда весь город был объят пламенем пожаров, я с родителями, как и тысячи минчан, двинулись на восток по направлению к Смиловичам.

Начиналась ласковая летняя ночь, позади над Минском алыми красками сверкал горизонт, уставшие люди понуро плелись по дороге. Еще слышно было стрекотание кузнечиков. А мне было очень тяжело, я еле передвигала ноги. Недалеко от Минска на нашем пути оказались немцы, и нам пришлось вернуться домой.

С первых дней оккупации фашисты организовали в Дроздах лагерь для военнопленных и гражданских мужчин от 15 до 45 лет. Фактически это были два лагеря, отгороженные друг от друга большим канатом. Так как комсостав и политработники подвергались большей опасности, мы с подругами решили передавать в военную часть лагеря гражданскую одежду. Я вместе с Розой Липской, Славой Гебелевой-Осташинской и Рахиль Кублиной собирали продукты питания и одежду. Гражданских лиц, за которыми приходили родственники, из лагеря выпускали. Пользуясь своим положением, я уговаривала охранников пустить меня в лагерь поискать мужа. В это время мои подруги передавали посылки через ограду. Такие походы мы совершили несколько раз, а когда мужской одежды больше достать не смогли, стали шить ее из женской. Таким образом, мы переодели в гражданскую одежду около полутора десятка военнопленных, которым благодаря этому удалось выбраться из лагеря.

Двадцать пятого июля 1941 года по приказу немецких властей все еврейское население города должно было переселиться в гетто. С первых дней создания гетто фашисты систематически истребляли его население. Проводились облавы на молодых мужчин и женщин. Только в августе

были три такие облавы. В этих облавах было уничтожено около десяти тысяч человек. Открытые формы борьбы были исключены. Я стремилась встретиться со своими давними знакомыми коммунистами и комсомольцами, чтобы вместе бороться против врага.

Как-то мы собрались в Столпецком переулке в доме номер 5 у Михаила Гебелева, который до войны работал инструктором Сталинского райкома партии. Вместе со мной к нему пришли также Липская и Гебелева-Осташинская, которая была женой Мишиного брата. Миша сказал, что для того, чтобы вести борьбу против палачей, необходимо организовать подпольную организацию. Мы договорились, что он будет передавать нам задания через Гебелеву. В последующем она была его связной как внутри гетто, так и в русском районе. Подполье гетто было хорошо законспирировано. Подпольщики были соединены в десятки, так что каждый знал только членов своей десятки и больше никого. В нашу десятку, кроме меня входили: Липская Роза, Гебелева Слава, Фитерсон Арон, Кублина Рахиль, Рольбина З., Цирлина Е., Мурох Я. и Фитерсон Гриша. Кроме членов своей десятки я встречалась по работе в подполье со старым коммунистом Майзлес Е., Пруслиной Асей, Керзон М.А. и с врачом Дорой Альперович. Мишу Гебелева я хорошо знала по совместной работе в системе промкооперации, так как до райкома партии он работал заместителем председателя по культработе в артели «Красный печатник» и там же был секретарем парторганизации. Липскую и Гебелеву я хорошо знала по совместной работе. С Липской была в одной парторганизации.

Пруслина Ася приносила из русского района листовки, сводки Совинформбюро и другие материалы, которые мы от руки переписывали и распространяли среди населения гетто. По заданию Гебелева мы собирали и сами шили теплую одежду, рукавицы, ушанки и маскировочные

халаты, для уходящих в партизанские отряды. Этой работой я занималась до второго ноября 1941 года, до родов. Роды у меня принимал доктор Лифшиц на дому. Послеродовой период протекал тяжело с послеродовой горячкой. Все это время родители прятали меня с ребенком в «малине».

Первый погром в гетто фашисты приурочили к Октябрьским праздникам 1941 года. В эти дни истребляли военнопленных в лагерях, убивали политзаключенных в тюрьмах. Многих заключенных вешали на площадях и улицах города. В эти дни было убито 17 тысяч жителей гетто. Немцы истребили самую людную часть гетто от Немиги до Замковой улицы. Людей загоняли в машины и отвозили в район Тучинки. Там их запирали в огромных сараях, а потом вывозили к заранее подготовленным ямам и расстреливали из пулемета. Трое суток были слышны выстрелы и раздирающие душу крики людей. Мы чудом пережили этот погром.

До нас добрались 20-го ноября. В 4 часа утра, когда все население гетто еще спало, фашисты окружили дома по улице Кустарной и стали выгонять почти голых людей на улицы. Была минусовая температура, но чувство страха заглушало все прочие ощущения. Мои родители и я с ребенком влились в широкую реку людей, которые в окружении гестаповцев и украинских националистов молча двигались в направлении Тучинки.

- Сегодня будний день, - сказал отец, - видимо нас просто переселяют в другой район.

- И поэтому вам не дали взять с собой даже самое необходимое? – с издевкой спросила идущая рядом женщина.

- Представьте себе, что все эти люди станут тащить с собой свой скарб, и посуду, и мебель, - защищал свою гипотезу папа. - Будет просто балаган. Вот когда мы разместимся на новом месте, тогда мужчины, уже зная новый адрес, пойдут за вещами.

- Ваши слова - да Богу в уши. – Буркнула себе под нос соседка.

Толпа медленно плелась по Кустарной. У меня не было сил. Я почти совсем не спала, так как мне пришлось несколько раз подниматься к плачущему ребенку. Когда колонна подошла к концу Опанской, все поняли, что нас гонят на расстрел. Отец, который молча шел рядом со мной, вдруг крикнул мне прямо на ухо:

- Доченька, ты молода, ты должна жить и бороться. Беги, спасайся! -

Сказав это, он с силой вытолкнул меня из толпы. И я с ребенком на руках бросилась бежать. Меня догонял шум, дикие крики и стрельба. Я не помню, как очутилась в каком-то сарае на улице Опанского. Положив ребенка на старое тряпье, я стала передвигать кадки и доски, чтобы создать в углу укрытие на случай облавы. Так я просидела до сумерек. Периодически плакал ребенок. Тогда я набрасывала на голову старый плащ, чтобы приглушить его крик. Я была в полной растерянности, не знала, что делать дальше, как вдруг в сарай вошла русская женщина.

- Здравствуй, - сказала она спокойно, - покажи ребеночка. Это мальчик или девочка?

- Девочка.

- Какая хорошенькая. Она, видимо, голодная. Ты меня не бойся. Я сейчас принесу вам что-нибудь поесть.

Пока я ела картошку с репчатым луком и пила дочку теплой подслащенной водой, женщина рассказала, что из колонны бежало много людей и сейчас немцы обыскивают весь район.

- Здесь оставаться опасно. Ты должна уйти в гетто, - сказала она.

Когда полностью стемнело, я в сопровождении каких-то двух мальчиков добралась до гетто. Голая, голодная, без крова, с крошечным

трехнедельным ребенком на руках я была пригрета в семье Кублиных. Они делились со мной последним.

Спустя несколько дней я встретила соседскую девушку, которая в тот ужасный день, будучи раненной во время расстрела, чудом вылезла из-под горы трупов. Она рассказала, что сразу после моего побега колонна на миг остановилась в оцепенении, а затем люди стали разбегаться в разные стороны. Возникла паника. Немцы стали беспорядочно стрелять. Моя мама сошла с ума. Она стояла посреди улицы и пела еврейскую песню, а потом вдруг закричала нечеловеческим голосом. Люди в ужасе отшатнулись от нее. Только папа, глядя ее руку, умолял ее умолкнуть. Вдруг она как будто подскочила и начала оседать, а затем вдруг рухнула, обливаясь кровью. Толпа утихла. Люди молча обходили это место. Только отец присел возле убитой и продолжал держать ее за руку. Вторым выстрелом охранник убил папу.

Так немцы уменьшили площадь гетто еще на одну улицу. Мой родной дом оказался за пределами еврейского района. На следующий день после погрома я решила выбраться из гетто в наш дом. Там, в погребе, отец закопал мой партбилет и некоторые семейные ценности, в том числе серебряные ложки и вилки, а также облигации трехпроцентного займа. В погребе также были продукты питания. Я залезла в погреб, выкопала оттуда все. На шею повесила мой партийный билет, а остальное завязала в узел. Вдруг я услышала, как наверху какая-то женщина кому-то разъясняла.

- В этом доме жили интеллигентные люди. У них что-то должно быть. -

Я притаилась в погребе. Когда голоса утихли, я вышла из дома. Но стоило мне выскользнуть на улицу, как я сразу увидела двух полицейских, которые, заметив меня, погнались вслед за мной. В это время я не

понимала, что делаю. Все происходило совершенно автоматически. Я разорвала партбилет, съела фотокарточку, а обложку отшвырнула подальше. Полицейские уже были вблизи, когда я с размаху бросила в них собранный мной узел. В ужасе я стояла как парализованная, сознавая, что убежать от них у меня уже нет сил. К моему счастью я их совсем не интересовала. Один полицейский схватил мой узел и стал изучать его содержимое, а другой поспешил в наш дом, в надежде, что и для него там что-нибудь еще осталось. Я же, не солоно хлебавши, поспешила в приютивший меня дом.

Ребенку исполнилось шесть недель, когда я немного пришла в себя. Во всяком случае, настолько окрепла, что уже могла работать. Чтобы спасти доченьку и для того, чтобы я могла работать в подполье, мои друзья помогли передать ее одной русской женщине по фамилии Зайцева. У нее было трое своих деток. Конечно, мои друзья часто носили ей продукты питания. У меня были сведения о ребенке до июля 1942 года, до тех пор, пока моя знакомая, через которую я устроила доченьку, не погибла во время очередного погрома. Мне говорили, что приемная мать моей девочки была отправлена в Германию, а ребятишки попали в детский дом. После войны я искала Зайцевых в детском доме, но не нашла. И до сих пор я не знаю о судьбе моего первенца.

Когда ребенок был устроен, я вновь включилась в активную подпольную работу. Сначала меня отправили работать чернорабочей в колонну железной дороги на товарной станции. По заданию Гебелева я следила за движением поездов, работой охраны, фиксировала - откуда и когда прибывают эшелоны с военнопленными, и передавала эти сведения через Розу Липскую. С первого дня существования гетто я мечтала вырваться на свободу и бить, и бить всех тех, кто причинил нам столько горя. В

дальнейшем, когда появились партизанские отряды, все было направлено для осуществления главной цели – стать партизанкой. Но я нужна была в гетто. Счастье уйти в партизаны нужно было заработать. В марте 1942 года я была принята в партийную десятку, где секретарем была Роза Липская.

Мне посчастливилось пережить большой погром в конце июля 1942 года, который продолжался четверо суток. А в конце 1942 года по заданию Липской я вместе с комсомолкой Екатериной Цирлиной устроилась в немецкие оружейные мастерские, которые находились в бывшем гараже Совнаркома по улице Свердлова. Наша работа заключалась в проверке, чистке и смазке прибывшего оружия. С нами работали немцы. Так мы тогда думали. Хотя не исключено, что это были венгры или чехи. Конечно, мы не могли им довериться ни на йоту, хотя их поведение свидетельствовало о том, что они не питают к нам плохих чувств, чего нельзя было сказать о полицаях, равно белорусских, украинских или литовских националистах. С нами работали два Вилли. Они были разного роста. Поэтому одного из них мы звали Вилли маленький, а другого Вилли большой.

Мы чистили оружие, на станках проверяли его и смазывали тавотом. В самом начале работы в оружейных мастерских мы с Катей решили испортить часть оружия. Для этого мы добавили в тавот большое количество песка и густо смазали винтовки этой смесью. Вилли большой, наверняка, понял, в чем дело. Он сожалел, что такая грязная партия тавота пришла к нам для смазки. Объяснил, что так дело не пойдет, и нам пришлось все переделать.

Как-то Катя во время уборки спрятала пистолет в надежде вынести его после работы из мастерских. Вилли маленький долго искал его, после чего потный, красный и даже смущенный сказал Кате:

- Понимаешь, эти пистолеты полицейского отряда, - и добавил с презрением, - этих русский швайн. Они сданы в мастерскую под счет. Если пропадет хоть один пистолет, будут большие неприятности для всех нас.

Катя сделала вид, что хочет помочь маленькому Вилли, и пошла искать пропажу. Без сомнения, что когда она принесла ему пистолет, Вилли понял, в чем дело, но даже не подал вида. Все немецкие работники мастерской относились к нам неплохо. Они предупреждали нас о возможных акциях и в эти дни предлагали нам остаться на ночь на работе. Они же предупреждали нас о предстоящих обысках. Иногда они давали нам супы.

Мы ухитрились воровать оружие по частям. Самым ценным были затворы с подающими механизмами. Их и другие мелкие части к винтовкам мы выносили в банках для супа. Эти банки были специально для нас сделаны с двойным дном. Во время обеда мы ходили с этими банками в столовую через дорогу. Обычно одна из нас, будучи «пустой», отвлекала внимание постового немца, а вторая в это время передавала «случайно» проходившему пареньку банку с оружейными частями, а взамен тут же получала банку совершенно аналогичную своей. Этим «случайным» пареньком был племянник Муроха, двенадцатилетний пионер Гриша Каплан по кличке «сорванец». Такие дневные «передачи» с опасным грузом продолжались до мая 1943 года, до дня ареста бесстрашного мальчика. Его арестовали, когда он переходил через проволоку из гетто в русский район. Сколько его в тюрьме ни пытали, он никого не выдал. Мы собрали большие деньги, чтобы выручить Гришу из

беды, но, к сожалению, опоздали. Мальчик был зверски замучен. Он погиб как герой.

Крупные детали оружия я прятала в большие сапоги, которые специально для этой цели одевала. Иногда стволы от винтовок мы прятали в поленьях, которые нам из жалости давали немцы, работающие с нами в мастерской. Это было очень опасно, так как при входе в гетто нас могли обыскать. Обычно одна из нас несла дрова с секретом, а другая подстраховывала. При входе в гетто, у ворот, нашу колонну всегда встречали Гебелева-Осташинская и Арон Фитерсон, которым было поручено забирать у нас опасный груз потому, что во время перехода колонны проверялись немцами. Оружие относили на квартиру Фитерсона, где он прятал все принесенное в «малине». В то время Фитерсон жил на углу улиц Крымской и Танковой. Если же по какой-либо причине невозможно было пробраться в район, где жил Фитерсон, оружие прятали в «малине» Гебелевой-Осташинской. Это оружие предназначалось для товарищей, уходящих в партизанский отряд, а также для передачи в партизанские отряды имени Пархоменко, «106», имени Кутузова бригады имени Фрунзе.

По заданию одного из отрядов мы купили у немцев и передали в лес пишущую машинку. С немцами можно было делать такие дела, тем более, что они не брезговали даже нашими облигациями.

Наша десятка с помощью Гриши Фитерсона самостоятельно установила связь с партизанским отрядом. Сначала Гриша был прикреплен к 12-ой десятке, секретарем которой был Рольбин Е. После смерти Рольбина по указанию Гебелева и уполномоченного зоной Каждана, Гришу прикрепители к нашей группе. Он послал из гетто свою племянницу пионерку Симочку для установления связи с партизанским отрядом. Эта девочка оказалась

очень способной и находчивой. Она установила связь с бригадой имени Фрунзе и отрядом имени Пархоменко. К приходу Симочки из партизанского отряда мы приготавливали группы вооруженных людей, которых она выводила в отряды. Кроме того, Гриша подобрал еще двух мальчиков, Давида Клеонского и Боньку Гамера, которых Симочка познакомила с дорогой и они стали прекрасными проводниками.

В начале апреля 1943 года у нас прекратилась связь с лесом. Секретарь нашей десятки Роза Липская установила связь с железнодорожниками, а затем сама со своим четырехлетним ребенком выехала для установления связи с партизанами, чтобы ускорить отправку людей из гетто в лес. К сожалению, эта попытка ничего не дала, так как в это время партизанский отряд с тяжелыми боями отступал от своей базы. Роза с ребенком вынуждена была возвратиться в гетто. Нам удалось замаскировать ее отсутствие. Мы договорились с врачом Альперович и заведующей тифозным отделением доктором Марголиной, чтобы они якобы положили Липскую в тифозное отделение, а соблюдение необходимых сроков в справке о болезни не представляло особого труда.

Мы продолжали искать связь с партизанами, и, наконец, Липская установила связь с Григорием Смоляром, который к этому времени уже находился в отряде имени Кутузова бригады имени Фрунзе. Мы знали, что до выхода из гетто Смоляр был руководителем подполья Минского гетто. После установления связи со Смоляром он начал регулярно присылать проводников, указывал, что и как делать. Через этих проводников мы отправляли в отряд накопленное оружие, медикаменты, соль, шрифт и разное другое.

В это время немцы пронюхали, что в оружейных мастерских происходит что-то подозрительное. В результате расследования они напали на след

работавшей параллельно с нами группы военнопленных и людей из гетто. Мы сами не знали о них, так они были хорошо законспирированы. Двое военнопленных и два еврея из нашей колонны, были повешены на наших глазах. Нас это не запугало. Мы продолжали воровать оружие с еще большим остервенением. Но делать это было все труднее и труднее, так как за нами неустанно следили. Были дни, когда нас из мастерских не выпускали сутками, держали под замком. Мы очень рисковали.

О наших трудностях Липская сообщила Смоляру, который тут же в июне 1943 года прислал проводника из отряда Кутузова. Это была Циля Клебанова. Через нее было приказано немедленно организовать уход нашей подпольной группы в партизанский отряд. Нас было двадцать четыре человека. Уходя из гетто, мы несли с собой 55 затвора с подающим механизмом, магазинные коробки, несколько лент с патронами для пулемета «Максим», восемь винтовок, три пистолета, медикаменты и прочее. У меня была короткая чешская винтовка и пистолет. Мы вышли из гетто без злключений благодаря правильно проведенной подготовке, которой руководил Фитерсон. Он помог подготовить все к отходу и организовал дежурство у проволоки для изучения порядка дежурства немецкого патруля вблизи гетто. Однако, дойдя до Старого села, где была первая партизанская база, мы узнали, что немцы блокируют партизанские отряды в тамошних лесах. Была блокирована вся Налибокская пуща и близлежащие районы. Нам пришлось целый месяц бродить по лесам, пока мы смогли соединиться с партизанским отрядом. За это время мы приняли первые бои с полицейскими постами и немецкими патрулями.

Много нам пришлось пережить, пока мы добрались до пущи. В нашей группе из гетто шел пятилетний сын Липской, Феликс. Когда мы уходили,

нас пугало, что мальчик не перенесет тяжелую дорогу? Ведь он был истощен от голода. Никто в наше время не поверит, кроме, конечно, тех, кто видел своими глазами, насколько этот маленький истощенный мальчик был мужественным и выдержанным. В дороге он только просил:

- Mamochka, ne otstavaj! Poidem bystree! Ja xocu zhit.

Этот сообразительный и находчивый ребенок в гетто поражал нас пониманием происходящего. Когда мы приходили к Липской переписывать листовки или читать какую-либо литературу, он понимал, что ему нужно следить за тем, чтобы никто не смог пройти в квартиру. Он садился на крылечко и оттуда охранял нас. Если он замечал на улице что-нибудь подозрительное, сразу же давал знать: либо начинал плакать, либо пел песни. Много раз благодаря Феликсу мы избегали полицейских глаз и ловушек. Он видел, как в дом приносили оружие, лекарства и чужую одежду, но, ни разу не проговорился. Он понимал, что нужно молчать, иначе немцы нас убьют. Однажды утром, еще до работы, я пришла к Липской, чтобы передать ей части от винтовок. Ее не было дома. Я остановилась в нерешительности, так как уйти с грузом не могла. Маленький Феликс, который лежал в кровати, увидел мою растерянность и сказал:

- Tetja Cilia, ne bojtes'. Polozhite etu pachku mne pod podushku. Ja budu lezhat' na nej, пока не придет мама. A если меня позовут играть дети, я скажу, что болен.

Голод, страх и погромы сделали этого ребенка, как и многих других детей гетто, преждевременно взрослыми.

В партизанском отряде

Мы попали в отряд Кутузова, которым командовал Голицев. Он забрал у нас деньги, золото, оружие, сапоги, кожанки, короче раздел догола, и "пустыми" отправил в еврейский отряд Зорина. Только я одна осталась в отряде Кутузова. Меня включили в подрывную группу, которая состояла из пяти человек. В ней были Арон Смушкевич, Бурачевский, Лагута и еще один партизан из Брянска, фамилию которого я не помню. Мы искали неразорвавшиеся бомбы и снаряды. Смушкевич был военным техником. Он разряжал наши находки, а я вытапливала из них тол. Из этого тола Арон делал самодельные мины. С ними мы ходили на подрыв. Иногда подкладывала я сама, иногда «подслушивала». Всего я участвовала в подрыве пяти эшелонов.

В ноябре 1944 года отряд вместе с бригадой имени Фрунзе переходил железнодорожную линию в другой район действия. В одну из ночей меня поставили на пост около штаба соединения. Когда стемнело, я услышала конский топот. Я вскинула винтовку и закричала: - Стой! Кто идет? - Мне ответили фразой, которая не соответствовала паролю. Я выстрелила в воздух предупреждающим. На выстрел выбежал командир разведки нашей бригады и, не разобравшись, начал стегать меня нагайкой. Я кричала од дикой боли. А он, закончив истязание, без слова скрылся в здании штаба. Меня увели в землянку, прикладывали примочки, и только тогда я узнала, что мне не успели передать новый пароль, в чем лично я не была виновна ни в коей мере. Конечно, на следующий день я чувствовала себя больной. Однако, вместо того, чтобы разобраться и наказать виновного, командир послал меня и еще двух партизан евреев с письмом в распоряжение Ивенецкого райцентра. Со мной были посланы Цвейгорн с женой. Кроме этого, командир распорядился разоружить меня.

Партизаны нашего отряда были возмущены, мол, почему меня, накануне избитую, необходимо было посылать с донесением. Они спрятали мою чешскую винтовку под лошадиной подпругой. Кроме того, у меня еще был пистолет, о котором никто не знал. Можно себе представить, в каком состоянии я ехала в Ивенец. «О чем писал командир? Что вообще в письме, и какое оно имеет отношение ко мне?» – Эти вопросы меня очень мучили, но вскрыть конверт было невозможно. Приказ командира – закон. Его нарушение карается смертью.

Наши ребята мне после рассказывали, что после моего отъезда они высказали свое возмущение. Не помню точно, но, как будто одного молодого парня, который особенно рьяно высказывался в мою защиту, командир приказал расстрелять. Парторг бригады Шустерман, который долгое время молчал, наконец, тоже высказался против поступка командира. В общем, после этого случая наш командир Голицев был разжалован и стал командиром разведки. Но в ту ночь, когда бригада уходила через железнодорожную линию, Голицев послал в группе прикрытия Арона Смушкевича. Это было явно неблагоразумно, так как Арон был незаменимым оружейным мастером и поэтому представлял для отряда большую ценность. В этом походе Арон Смушкевич был убит.

До Ивенца мы добирались двое суток. В то время там проходило совещание командиров и политработников партизанской зоны. Мы обратились к Дубову и передали ему письмо. Он прочитал письмо и стал расспрашивать, что произошло в отряде. Я ему все рассказала, после чего он спросил меня: - В какой отряд послать тебя? Может быть в отряд Зорина? Я категорически отказалась. Тогда меня отправили в отряд Бельского. Это был в основном еврейский отряд, где были еврей-западники и небольшое количество поляков. Там я служила политруком

роты. Еще в отряде Голицева я была представлена к ордену Ленина, но из-за перехода в другой отряд я его так и не получила.

А отказалась я от отряда Зорина, потому что с Зориным у меня была очень неприятная стычка. Как-то я приехала в его отряд по заданию. Во время построения он потребовал, чтобы я сдала оружие, так как в его отряде были безоружными многие мужчины. Я категорически отказалась. Тогда он приказал своим партизанам разоружить меня, связать и посадить под ель на 5 дней. У меня забрали чешскую винтовку и пистолет. Более того, Зорин приказал не давать мне еду. В течение 3 дней Липская посылала мне хлеб со своим сыном Феликсом. Дети бегали вокруг елки и кричали: - Тетя Циля, тетя Циля, Ваша винтовка у тети Гени. В отряде все знали, что я пострадала из-за того, что мое оружие понравилось очередной жене Зорина.

Когда я уже служила политруком в отряде Бельского, мне неоднократно приходилось встречаться с Зориным во время посещения его отряда. Он всегда просил у меня прощения. Я, конечно, не могу простить его за тот проступок, но ненависти не таю. Он был противоречивым человеком. Да, он был жестоким командиром, но возможно именно это и спасло многих евреев, которые были в его отряде.

Покойный Фельдман-Ботвинник, который выходил из гетто в одной группе с Зориным, рассказывал, что в момент выхода этой группы, жена Зорина, впервые узнавшая об этом, бежала за ними с мольбой взять ее с собой. Все уже были готовы сделать это, когда Зорин попросил подождать его, мол, он все устроит. Он застрелил ее и возвратился к нам. В партизанском отряде у него было 2 или 3 жены.

В первое время выходцы из гетто, в соответствии с постановлением центрального партизанского штаба, принимались в партизанские отряды с

недоверием, а многие из «счастливых», которым удалось уйти из гетто и добраться в партизанский отряд, были расстреляны. Никто специально не занимался выводом людей из гетто. Партизанские отряды посылали проводников для вывода специалистов, в основном врачей, или для получения снаряжения, оружия, теплой одежды и пр. Более или менее постоянным выводом людей из гетто занимались только еврейские отряды, но и они собирали только молодых вооруженных бойцов. Зная твердый характер Зорина, товарищи по оружию поставили перед ним ультиматум: либо он возьмется организовать отряд для приема не только бойцов, но и женщин и детей, либо они поднимут вопрос о его моральной неустойчивости. В основном речь шла об убийстве его жены. Таким образом, они вынудили его согласиться на организацию семейного еврейского отряда.

Вскоре после войны меня вызвали в обком для официального восстановления в рядах партии, ведь мой партийный билет был уничтожен. Меня принял мой бывший командир Бельский, работавший в то время в обкоме. Зачитав мой послужной список, он сказал: - Здесь описаны такие заслуги, что возникает вопрос, почему у Вас нет звезды героя? То ли в его словах было какое то недоверие к написанному, то ли эта встреча напомнила мне, что я не получила орден Ленина, я ответила ему с раздражением.

- Моя звезда висит на вашей груди.
- Как так? - спросил он с удивлением.
- А Вы разве не знали, что количество наград для евреев было лимитировано?

Он был взбешен, и мне пришлось уйти ни с чем. Но вскоре я была вызвана вновь и восстановлена в партии.

- Вот и все, - закончила Циля Янкелевна.
- Я всем задаю этот вопрос, - обратился я к ней, - почему так мало людей было выведено из гетто. По расчетам Матвея Лазаревича, это было не более 2%. Насколько я понял, строгого паспортного режима в гетто не было. Исчезновение людей проходило незаметно. Сколько потенциальных бойцов погибло в гетто вместо того, чтобы усилить партизанское движение?!
- Я думаю, что это произошло потому, что мы оказались окруженные врагами. Белорусское население в основной массе было враждебно настроено к евреям. Антисемитизм немцев попал на благоприятную почву. В результате этого, выйти за пределы гетто было более опасно, чем находиться в нем. Любой человек мог указать на тебя пальцем: - Вот еврей. – И ты пропал за пачку махорки. Так и было. Сначала немцы не могли по наружному виду отличить еврея от славянина. Помощников в усвоении этой науки у них было предостаточно. Попасть в партизанский отряд тоже было не просто, а иногда и рискованно. Да, партизанские отряды нуждались в бойцах, но не в евреях. Заданий по спасению евреев никто не давал и не получал. А штаб партизанского движения Белоруссии? Он оставил евреев, обреченных на неминуемую смерть, на произвол судьбы.

Эта встреча с Ципой Янкелевной Ботвинник-Лупьян состоялась в 1987 году в Минске. А в 2002 году я отправил текст интервью к ней в Нью-Йорк. В вышеприведенном варианте учтены все замечания героини повествования.

Часть 4. Памяти товарища

С Аркадием Рудерманом я познакомился в начале восьмидесятых. Это был брюнет среднего роста с высоким лбом и карими пронцательными глазами. Через белую кожу висков проступали молнии голубых сосудов. Я его всегда видел с покрасневшими, должно быть уставшими, глазами. К тому времени Аркадий уже знал себе цену и вел себя как мэтр.

В начале горбачевской перестройки он был членом комиссии по перестройке киностудии «Беларусьфильм». Поэтому и появилась надежда, что ему позволят сделать фильм по еврейской тематике. Между тем, предшествующая попытка подобного рода закончилась провалом.

Тогда в подготовке фильма, посвященного 90-летию Марка Шагала, уже были отсняты кадры в Ленинграде, где жила младшая сестра художника. Съёмочная группа побывала в Витебске, где любители живописи и жители города начали создавать музей Шагала. И, наконец, Аркадий договорился с поэтом Андреем Вознесенским о съемках во Франции. В Париже жила школьная подруга Аркадия, которая обещала на неделю приютить пару человек. Однако Беларусьфильм отказал им в командировке, так как ведущие работники Белорусского искусства считали Марка Шагала еврейским или французским, но никак не белорусским художником.

Я думаю, что настойчивость является необходимой гранью таланта. В противном случае талантливому человеку невозможно преодолеть вязкое сопротивление преобладающей массы завидующих посредственностей. Возможно также, что препятствия на пути даровитого человека стимулируют его талант, заставляют искать неординарные пути для достижения цели. Во всяком случае, весь творческий путь Аркадия

развивался именно по такому сценарию: сопротивление вызывало у него творческий подъем и создание ярких и значимых документальных фильмов. После неудачи с фильмом о Шагале он официально запланировал фильм на злобу дня – о перестройке. Этот фильм под названием «Театр времен перестройки и гласности» так и не вышел на экраны. Фактически он был арестован руководством Беларусьфильма. Отрывки из него несколько раз показывались по центральному телевидению из Москвы. Вероятно, я один из немногих, кому удалось увидеть весь фильм в видеозаписи во время просмотра на квартире у одного из работников съемочной группы. Кратко перескажу его, так как он удивительно точно характеризует как самого Аркадия Рудермана, так и умонастроения, царившие в то время в белорусских верхах.

Фильм начинается с интервью с белорусским драматургом Александром Петрашкевичем, занимавшим в то время пост заместителя главного редактора «Белорусской Энциклопедии». До этого он служил заведующим отделом культуры центрального комитета коммунистической партии Белоруссии. Интересный и ухоженный мужчина средних лет делится своими творческими планами. Он мечтает написать пьесу на современную перестроечную тему, где молодой прогрессивный сотрудник наталкивается на сопротивление консервативно настроенного руководителя. Далее фильм рассказывает не о пьесах, а о судебном иске редактора Белорусской энциклопедии Ирины Шеленковой к руководству редакции с требованием восстановить ее на рабочее место в редакции Белорусской энциклопедии.

Эта история началась тогда, когда работа над Белорусской энциклопедией приблизилась к букве «Ш». Редактор Ирина Шеленкова заказала статью о Марке Шагале кандидату искусствоведения, который

работал в музее изобразительных искусств. При работе над статьёй им были использованы многочисленные источники, в том числе иностранные. Однако Петрашкевич представленную ему работу отверг и повторно заказал статью о Шагале известному в стране борцу с сионизмом, кандидату философских наук Владимиру Бегуну. С точки зрения этого философа Марк Шагал был посредственным художником. Я не помню деталей этой рецензии, но знаком с другими «философскими», «антисионистскими» работами В. Бегуна, в которых Шагалу вменялось в вину и роспись в Израильском кнесете, и денежные пожертвования в пользу сионистского государства, и т.п.

Владимир Бегун считался большим специалистом сионизма и приглашался в качестве консультанта для оценки разных произведений искусства. Так, например, он забраковал плакат, где художник распределил знамёна 15-и советских республик таким образом, что в центре возвышалось знамя Российской Федерации, а несколько ниже с обеих сторон по 7 знамен братских республик. В разбивке по 7 он усмотрел намёк на еврейский семисвечник. В то время мне казалось, что его произведениями зачитывались только лица еврейской национальности, потому что его антиеврейские опусы были фактически единственной, официальной литературой, знакомящей евреев с еврейскими традициями, культурой и историей. Антисемитская интерпретация была так примитивна, что, казалось, она не способна вызвать доверия. Это после я узнал, что этот «философ» был идеологом общества «Память» и почва, где он сеял свою ненависть, воспринимала на веру любую ложь и даже несусветную глупость. Оказалось, что есть такие люди, для которых обвинение сионских мудрецов, в том, что они,

якобы, выбрали звезду Давида в качестве прототипа для шестигранной гайки, выглядит совсем не смешно.

Ирина Шеленкова не была ни еврейкой, ни сионистской. Она была культурным человеком. Когда ее попытки переубедить заместителя главного редактора не печатать статью Бегуна не увенчались успехом, она направила эту статью на консультацию в Большую Советскую Энциклопедию, в Москву. Кадры фильма показывают одного за другим искусствоведов из БСЭ, которые камня на камне не оставляют от статьи Бегуна. Как же поступил наш драматург-реформатор в кресле заместителя редактора Белорусской Советской Энциклопедии? Он увольняет редактора Шеленкову, как не прошедшую аттестацию. Бесстрастная камера Рудермана показывает суд, где идет театральное представление по делу, возбужденному редактором против администрации Белорусской энциклопедии. В жизненной пьесе драматург-реформатор играет роль консерватора. Стоя на трибуне, он пытается оправдать увольнение, и суд принимает сторону власти. Почему? «Да потому, - объясняет с экрана народный заседатель, - что мне позвонили, а у меня дети. Жить то надо». При сдаче фильма приёмной комиссии, голоса её членов разделились почти поровну. Преимуществом в один голос комиссия решила не выпускать фильм из стен киностудии. После заседания комиссии Рудерман выкрал видеозапись фильма и в тот же вечер выехал в Москву.

Аркадий показал фильм на телестудии Останкино, побывал с ним у Евгения Евтушенко и Андрея Вознесенского и везде получил положительные отзывы. Спустя некоторое время этому фильму были посвящены короткие репортажи центрального телевидения с включением отрывков из фильма. Но руководство Беларусьфильма стояло насмерть. По поводу невыхода фильма разразилась настоящая война, получившая

отражение в печати. В союзной печати фильм получил почти единодушную поддержку, а 1-й Всесоюзный фестиваль неигрового кино в Свердловске отметил его специальным призом. В белорусской печати мнения разделились. Противники фильма не только защищали «честь и достоинство» друга Петрашкевича, но и дружно выступали против сионизма, подчеркивая, что «необычный еврейский художник связан с нашей страной лишь местом своего рождения». В печати и в устных выступлениях особенно подчеркивалась национальная (читай еврейская) принадлежность защитников Марка Шагала и фильма «Театр времен перестройки и гласности».

Аркадий Рудерман, талантливый кинодокументалист, погиб в 1993 в Таджикистане. Он не просто фотографировал войну, он, как всегда, стремился вскрыть причинно-следственные связи конфликта – он боролся против войны. Свою профессиональную деятельность он начинал с патриотических и производственных тем, а во время перестройки его работы приобрели политическую остроту. Я не знаком с большинством его фильмов, но историю еще одного из них я пересказываю со слов Аркадия.

Этот фильм, посвященный московскому судебному процессу времен перестройки, Аркадий торопился завершить к международному ленинградскому кинофестивалю. Городской цензор дал свое «добро» при условии, что Аркадий вырежет выступление в суде поэта Евгения Евтушенко. Со слов Аркадия причина неприятия выступления Евтушенко была ему совершенно непонятна. Кроме того, возникла проблема, которая заключалась в том, что копию фильма Аркадий уже отдал на фестиваль для перевода. Тем не менее, он сдержал свое слово, удалив звук из выступления Евтушенко в русском варианте. Во время конкурсной демонстрации иностранные участники, корреспонденты и члены жюри

сначала не поняли, почему во время показа выступления в суде Евтушенко в зале раздались топот, свист и крики «позор». В перерыве им объяснили, в чём дело. Для людей свободного мира это было потрясением. Когда в беседе с Аркадием участники фестиваля узнали, что один из его фильмов вообще арестован, они упростили Аркадия показать видеозапись этого фильма вне конкурса. А его конкурсный фильм получил «Гранд при».

Из Ленинграда в Москву Аркадий приехал уже знаменитостью. Его пригласили на встречу с иностранными корреспондентами. За час до намеченной встречи Аркадия вызвал для беседы главный цензор СССР. Он был почти ласков и просил при встрече с корреспондентами объяснить происшедшее на фестивале технической неполадкой. Аркадий сдержал слово, данное генералу. На вопрос о том, что случилось на Ленинградском фестивале, он сказал, что главный цензор страны, такой-то, просил передать, что причиной исчезновения звука была техническая неполадка. «Они получили то, что заслужили, – сказал Аркадий, - я вытер о них ноги».

Аркадий погиб. Нашей мечте создать документальный фильм о минском гетто не суждено было сбыться. Сейчас я пишу эти строки не только для того, чтобы восстановить справедливость по отношению к невинным жертвам Минского гетто и его борцам. Об этом уже написано немало. Не только для того, чтобы воздать должное Аркадию Рудерману. И, вообще, не только для евреев. Мне всегда было больно сознавать, что есть много людей, которые не любят меня, не зная меня. Не любят только потому, что я еврей. Может быть, если между народами будет больше взаимопонимания, в мире будет меньше ненависти.

Вторая мировая война унесла жизни шести миллионов евреев, с ужасом в сердце покинувших этот мир. А сколько трагедий перенесли оставшиеся

в живых? Я привел лишь свидетельства трех из них. Сколько бы ни было описано воспоминаний о катастрофе, большего горя сердце не вмещает. И не только из-за непостижимо большого количества жертв, но также вследствие невозможности понять – почему? Этот вопрос задавали евреи на протяжении более двух тысяч лет. Я еще один.

MoreBooks!
publishing

yes i want morebooks!

Покупайте Ваши книги быстро и без посредников он-лайн – в одном из самых быстрорастущих книжных он-лайн магазинов! окружающей среде благодаря технологии Печати-на-Заказ.

Покупайте Ваши книги на
www.more-books.ru

Buy your books fast and straightforward online - at one of world's fastest growing online book stores! Environmentally sound due to Print-on-Demand technologies.

Buy your books online at
www.get-morebooks.com

VDM Verlagsservicegesellschaft mbH

Heinrich-Böcking-Str. 6-8
D - 66121 Saarbrücken

Telefon: +49 681 3720 174
Telefax: +49 681 3720 1749

info@vdm-vsg.de
www.vdm-vsg.de

